



ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК



ИГОРЬ НЕДОЗОР
ГАРНИЗОН

Плацдарм

Игорь Недозор

Гарнизон

«Автор»

2010

Недозор И.

Гарнизон / И. Недозор — «Автор», 2010 — (Плацдарм)

Преданные и брошенные командованием на чужой планете, они не смирились и выжили. Небольшая горстка советских военнослужащих понемногу осваивается на Аргуэрлайле, создавая собственное государство, промышленность, науку и культуру, заключая союзы с местным населением и даже оказывая интернациональную помощь соседям. Неважно, что против них порождения злой магии, могущественные чародеи и претенденты на мировое господство. Ведь они – Гарнизон, последний форпост СССР в иномирье.

© Недозор И., 2010

© Автор, 2010

Содержание

ПРОЛОГ	5
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Игорь Недозор

Гарнизон

ПРОЛОГ

Аргуэрлайл. Город Октябрьск / Тхан-Такх

Отсюда, с угловой башни, казалось, что холмистая равнина предгорий уходит не к горизонту, а растворяется в рассветных мягких красках подступающей осени.

Человек, которого в этих краях именовали Сантором Макхеем, сардаром Тхан-Такх, он же Александр Петрович Макеев, майор Советской армии, стоял на дозорной площадке и оглядывал свои «владения».

Он неукоснительно придерживался раз и навсегда заведенного порядка – каждый день обходить самые важные уголки вверенного его попечению города.

Вот и сегодня, встав на рассвете, наскоро умывшись и позавтракав ломтем хлеба с грудинкой, отправился проверять посты на городских стенах. Сейчас позволил себе чуть перевести дух – благо все было в порядке. Позади чуть слышно переминались с ноги на ногу два телохранителя, немолодой кряжистый степняк Васконо Сатт, обоерукий боец, на поясе которого было две сабли, и Гриша Суров, маг второй ступени, к тому же неплохо стрелявший из автомата.

Не то чтобы Макеев чего-то боялся, тем более что на поясе, рядом с отнюдь не церемониальным клинком, висел «Макаров» с полной обоймой.

Но береженого местный бог бережет. Опять же здешним владыкам было немыслимо гулять в одиночку среди подданных, даже там, где их любили.

Начинался обычный день Тхан-Такх – Октябрьска.

Дымили горны в левом углу крепости в Четвертом квартале, или Артмастерских, как теперь называли это место, и уже звенели молоты, и похрюкивал на холостых испытательных оборотах недавно собранный ребятами капитана Бровченко дизель. Возле Базарной площади копошились землекопы – купеческое братство Тхан-Такх (не иначе, по совету кого-то из пришельцев) решило заложить там ледник на тысячу с лишним тонн мяса. За две улицы от размахивающих заступами поденщиков мелькали яркие одеяния торговцев и погонщиков быков – собирался в дорогу очередной караван торговцев с юга. Просыпалась и Махаловка, откуда ветерок приносил вместе с дымком очагов запахи готовящихся кушаний и перекишей браги, заливаемой в перегонные кубы местными самогонщиками. Оживилось и Западное предместье – обиталище зеленщиков, огородников, кожевников и золотарей.

Над Замком, как именовалась резиденция советского командования, висел развеваемый ветром ярко-алый флаг.

А ниже, над кварталами и улицами на вознесенных над сланцевыми и камышовыми крышами шестах ветер трепал разноцветные вымпелы и штандарты кланов, родов, цехов и просто сбродных общин. Ибо в этом городе, как и в этом мире, один человек – это меньше, чем ничто. Лишь вокруг Замка на паре десятков улиц ни единого клочка ткани не оживляло крыши – там обитали земляне.

Макеев грустно покачал головой – уже по этому признаку было видно, что даже тут, в собственном городе, его соотечественники не имеют большинства.

А ведь жители Октябрьска составляют от силы десятую часть населения всего княжества.

Обзор с юга загораживала стена с недавно подновленными зубцами – и это было хорошо, потому как даже годы, прошедшие со времени Эвакуации (майор именовал ее не иначе, как бег-

ством), не избыли той горечи, которую вызывало зрелище занесенной пылью широкой дороги, ведущей в никуда – к месту, где соединялись миры...

Он еще раз оглядел город. И взор невольно остановился на восточной окраине – там, вдоль стены, вытянулось их кладбище. Майор тяжело вздохнул – скоро отведенного под погост участка на месте старых руин двух караван-сараев не станет хватать – число могил приближалось к семи десяткам, это не считая тех, кого Аргуэрлайл сожрал бесследно.

Александр запретил себе думать об этом, как давно уже запретил себе думать об оставленной родине, недостижимом где-то там доме, жене, сыне...

Ибо подобные мысли, как и надежды на несбыточное, лишают силы.

Сейчас для него не было важнее вопроса: как сделать так, чтобы его государство-анклав не погибло.

Чтобы жил этот маленький город, островок в океане чужого мира, чтобы вновь над руинами Тхан-Такх не воцарилось мертвое молчание, когда лишь ветер будет петь свои песни, засыпая песком черепа и кости его недавних жителей, и черепа и кости их детей.

Позади звякнуло – телохранители осторожно переступили подкованными сапогами.

Макеев вздохнул, подавив желание инстинктивно оглянуться и все же посмотреть туда, где осталась дорога в их родной мир.

Часть первая

В СВОИХ ДЕРЗАНИЯХ ВСЕГДА МЫ ПРАВЫ

*Слова смутного не тронь!
Мы не сгинем навсегда!
Мы бессмертны,
Как Огонь,
Небо, Ветер и Вода!*
Леонид Мартынов

Октябрьск / Тхан-Такх. Застава Ильича

Этот пост всегда считался самым безопасным из всех, размещавшихся у городских стен. Почему так – непонятно, наверное, традиция, сохранившаяся еще со времен первого этапа заселения землянами заброшенного древнего города Тхан-Такх.

Возможно оттого, что здесь были расположены так называемые малые, а не главные городские ворота, ведущие на большой торговый тракт. Вот там точно был сумасшедший дом. То торговые караваны, то посольства, то просто кто в гости приедет. И всех осмотри, проверь, запиши. Здесь не то. Кругом одна степь. На многие километры вперед ни единой живой души. Так что попасть в караул именно сюда, а не на прочие семь «пристенных» точек, считалось делом не хлопотным.

Караулка находилась примерно метрах в пятистах от ворот. Это для того, чтобы своевременно оповестить гарнизон о надвигающейся беде, дав горожанам возможность закрыть и укрепить вход. Сигнал положено было подавать двух видов: во-первых, выстрелить три красные ракеты (в последнее время, когда пришла нужда экономить снаряжение, достаточно было одной), во-вторых, разжечь сигнальный огонь, для чего рядом с хижинкой для наряда всегда была собрана куча хорошо подсушенного хвороста, sprыснутого для верности бензином. Данную статью «Временного положения о гарнизонной и караульной службе» всегда для верности спрашивал военный комендант на разводе. Больше для порядка, чем из расчета на реальное ее применение.

Вот и сегодня все было как всегда.

Ефрейтор Смагин заступил на пост вчера в восемнадцать ноль-ноль и должен был смениться уже через три часа.

Готовиться к передаче караулки сменщикам начал загодя, чтоб не было проволочек. Кто знает, кто сегодня в начкарах будет. Попадется какой-нибудь дотошный зануда, так за час не управишься. То к одному докопается, то к другому. Где веник, почему три стакана, а не четыре, отчего за рамочкой с описью имущества пыль на стене не стерта?.. Ой, да мало ль этих караульных заморочек.

А Смагину нужно было поспеть домой непременно к семи часам. Пригласил прогуляться девчонку из местных, с которой они уже третий месяц встречаются, имея самые серьезные намерения. Неудобно будет опоздать. И так уже пару раз проштрафился.

Поэтому ефрейтор нетерпеливо покрикивал на своих напарников, двух парней-степняков, лишь полгода как определившихся в народное ополчение и считавшихся «духами», которым следовало летать и летать до тех пор, пока они не станут «дедушками». И ничего, что каждый из желторотиков на пару лет старше «деда» Смагина. Дело не в возрасте, а в сроке службы. Это бывшие кочевники уже понимали и не сильно ворчали, когда ефрейтор давал «унизительные» с точки зрения степной этики указания еще раз смести по углам паутину или и того хлеще – выдрать «очко».

Землянин особенно и не выделялся. Так просто, со скуки. Парни-то неплохие, смекастые, даром что из дикой степи. Не в пример некоторым «чуркам» из среднеазиатских республик. Вот уж бывало чего-нибудь отчебучат, хоть караул в карауле кричи. То у них магазин куда-то запропастится, да так, что приходится всем скопом его искать. И хорошо, если пропакжа куда-нибудь под тумбочку закатилась, а не была утоплена в сортире. То пару страниц из казенного устава вырвут, чтоб попользоваться все в том же отхожем месте. Как их потом назад вернешь?! А новая смена требует, чтоб все было в целости и сохранности. И главное ж ничем их, сучар, не прошибешь. Вытаращат красные от недосыпа глаза и булькают: «Плохо понимать русски, плохо понимать русски...» Тьфу!

Нет, с этими служить можно. Что Михасс-Го, которого Смагин звал попросту Мишкой, что Гааркан. Луками владеют не хуже, чем ефрейтор своим «калашом». Птицу на лету бьют в глаз. А как потом дичь приготовить могут. Пальчики оближешь! Ну, а уж если сайгак попадется, то лучшего шашлыка, чем у Мишки, Смагин никогда не пробовал.

Кстати, что это там за облачко пыли показалось в степи? Что-то скачет, явно на лошадь не похожее. Не помянутый сайгак ли?

– Миш, а Миш, глянь-ка, что за животное? – протянул ефрейтор бинокль напарнику.

Степняк приложил прибор к глазам. Навел резкость.

И вдруг как заругается по-своему.

Что-что, а местную брань ефрейтор освоил в первую очередь. Всегда пригодится. Незаменимая в общении вещь. Особенно между мужиками.

Михасс-Го лаялся по-черному, причем во весь голос.

Заслышав его, из караулки выскочил Гааркан.

– В чем дело?! – ошалело поинтересовался, переводя взгляд с одного товарища на второго. – Чего не поделили?

– Там, там... – У Мишки не хватало воздуха.

Махнув рукой, он сунул бинокль соплеменнику, а сам смотался в помещение и вынес оттуда лук и колчан со стрелами. Тут же принялся налаживать оружие к стрельбе.

– ... твою мать! – выматерился по-русски Гааркан и помчался в караулку, на ходу вопя: – Толя, зажигай костер!

По их серьезным физиономиям ефрейтор понял, что дело и впрямь серьезное, а потому не стал долго разбираться, что к чему, сразу чиркнув зажигалкой у кучи. Огонь сначала лениво, а потом все веселее заплясал по сухим веткам, и вот уже пламя поднялось выше крыши караулки.

Удовлетворенно поцокав языком, Анатолий повернулся лицом к ребятам и обомлел.

Облачко пыли приблизилось уже на достаточное расстояние, чтобы увидеть, что оно скрывало.

А пряталась там самого зверского вида животное из породы тех, которых местные называют нетварями.

Где-то два с половиной метра высотой, на двух двупалых когтистых лапах. Передние лапы, такие же длинные, как и задние, но менее развитые, о трех пальцах, тряслись перед мощной грудью. Острозубая морда чем-то напоминала рыбу. Только глаза не большие и навывкате, как у рыб, а узенькие щелочки, прямо от которых начинались по ослиному длинные уши. От основания черепа по хребту до середины спины шел гребень. Хвост короткий, но мощный. Кожа монстра, желтая и шершавая, чем-то напоминала слоновью, но наверняка, не столь толстая – было видно, как под ней сокращаются мощные мышцы.

– Что за хрень? – поинтересовался Смагин, снимая с плеча автомат.

– Карачон, – пояснил Михасс. – Очень злой. Очень сильный.

– Поглядим, насколько у него крепкая шкура, у вашего карачуна, – хмыкнул ефрейтор и выпустил по твари прицельную очередь.

Зверюга каким-то чудом увернулась и продолжила марш-бросок.

– Етить, – удивился «дедушка».

Чтоб он промахнулся с такого расстояния? Да еще не одиночными, а очередью. Не иначе, заговоренная гадина.

Урод распахнул безгубую пасть, высунул длинный раздвоенный язык и зашипел так громко и пронзительно, что у Анатолия чуть барабанные перепонки не полопались.

– Ну, Соловей-разбойник, держись! – пробормотал он.

Решил попробовать одиночными.

Бац, шлепнула пуля в левое плечо монстра. Пробила шкуру, и из дырки выплеснулось что-то зеленое и зловонное.

В ответ послышался низкий гортанный рык. Карачон все так же на бегу шлепнул себя правой лапой-рукой по раненому месту, и оно тут же затянулось розовой коркой.

Тем временем в бой вступили и степняки, как видно, знавшие повадки этого жуткого создания. Почти одновременно Мишка и Гааркан выстрелили из луков. Одна стрела, угодив зверю в лоб, отскочила. Зато вторая впилась ему под правое ухо.

Монстр затормозил.

Воспользовавшись его заминкой, Смагин ударил очередью ему по ногам. И попал. Как тут не попадешь практически с десятка метров.

Сильный визг накрыл волной страха и паники. Захотелось тут же бросить оружие и бежать без оглядки подальше от гиблого места.

Гааркан успел подбежать к костру и, зажегши стрелу, выстрелил в живот чудищу. То, словно и не испытывало боли в израненных конечностях, успело перехватить горящую палочку руколапой и в сердцах сломало, бросив обломки в сторону людей.

Опершись на хвост, зверь оттолкнулся от земли и взлетел ввысь и вперед, преодолевая расстояние, отделявшее его от людей.

Солдаты, не сговариваясь, кинулись в караулку и, захлопнув дверь, стали стаскивать к ней всю имевшуюся под рукой мебель, сооружая хлипкую баррикаду. При этом совершенно не подумав, что монстр может атаковать и с другой стороны. Например, в окно.

Вспомнили об этих уязвимых местах только тогда, когда жалобно посыпались битые стекла, а в образовавшуюся дыру сначала сунулась трехпалая лапа, а затем и мерзкая рожа монстра.

Смагин нажал на спуск, однако «калаш» жалобно всхлипнул и приумолк. В обоих рожках, основном и запасном, кончились патроны, а больше двух караульным в мирных условиях по инструкции не полагалось. Завидев сигнальный огонь, должна была подоспеть подмога.

Оставалось надеяться, что там, на городской стене, дозорные не дремлют и уже заметили их сигнал.

А пока пришлось вооружаться чем попало и обороняться от животины. Луки степняков в столь узком помещении, каковым была караулка, утратили свою грозность. Затогодились кинжалы и саперская лопатка.

Ее-то и обрушил на голову карачону ефрейтор, в то время как кочевники пустили в ход свои грозные клинки, больше походившие на абордажные тесаки пиратов – такие же изогнутые и зубчатые.

Лопатка тварью кость не взяла, зато парням удалось оттяпать у животины пару кусков плоти. Миша отрезал правое ухо, а Гааркан – один из пальцев на руколапе.

Зверь ответил очередным диким воплем, но из окна убрался, обрушив весь гнев на глинобитную стену. Чем уж он ее там долбил, неведомо, но после нескольких мощных ударов стена пошла трещинами.

Если так и дальше пойдет, прикинул Смагин, то больше получаса караулка не выдержит. Не против артиллерии и осадных орудий ее строили.

Где же, мать их, подмога?!

Еще один удар таки сокрушил непрочное препятствие. Кусок стены рухнул на дощатый пол. Наученная предыдущей атакой зверюга не стала тут же соваться в пролом, а продолжила методично уничтожать стену, расширяя отверстие.

Вот бы сюда гранату. Не может быть, чтобы устояла гадина против РГД-5. Но чего нет, того нет.

– Парни, придумайте хоть что-нибудь! – взмолился Анатолий. – Оно ж ваше, здешнее. Кому, как не вам, знать его слабые места?!

– Нет, – покачал головой Гааркан, – не наше. Это из бывшего Сарнагарасахала нетварь. Тамошние маги вывели. Против него трех человек мало. Оно способно с десятком сражаться.

– Так оно ж нас тут ухлопает и сожрет, – с отчаянием молвил ефрейтор.

– Это уж как Вечное Небо и Священная Луна решат, – не без фатализма развел руками Миша.

Но, видно, Высокие решили, что помирать троице еще рановато.

Стеноломание вдруг прекратилось, послышались частые автоматные очереди, а в ответ рев карачона.

– Наши! – восторженно проорал Смагин. – Наши пришли!

В стену впились несколько шальных пуль.

«Только б нас под горячую руку не задели», – подумал ефрейтор и скомандовал своим лечь на пол.

Рев перешел в хрипы, потом в сипение. Наконец, все смолкло.

– Эй, вояки, – донесся до них знакомый голос. – А ну-ка вылезай, кто живой!

– Товарищ капитан! – обрадовался Анатолий, выбираясь из полуразрушенной караулки. – Это вы?

– Нет! – отбрил Анохин. – Дед Бабай!

Начальник разведотряда, а с ним еще пятеро бойцов-автоматчиков стояли над поверженной и еще содрогавшейся в последней агонии тварью.

Георгий покачивал головой, рассматривая произведенный чудовищем разгром. Придется перестраивать караулку заново.

А что будет, если таких вот зверушек соберется не одна и не десять, а, допустим, сотня или две. Да пойдут они на штурм городских стен. Сколько выдержит древняя глинобитная ограда, пусть и более-менее укрепленная?

* * *

Октябрьск / Тхан-Такх. Дом офицеров имени Г.К. Жукова

Люди сидели чуть ли не на коленях друг у друга, стояли в проходах, дух махорочных сигарет смешивался с ароматом конского пота и сыромятных кож, создавая прямо-таки физически ощутимую атмосферу. Топор не топор, а саблю повесить было бы нетрудно.

То, что происходило нынче в Колонном зале гарнизонного Дома офицеров, по старинке именовалось общим собранием. Может быть, в другом времени и обстоятельствах его бы могли назвать Учредительным собранием. Но одни из сидящих тут вообще о нем не слышали, на Аргуэрлайле всеобщих выборов еще не изобрели, а для других – это было уже давней полузабытой историей про то, как бравый матрос Железняк разогнал сборище беспомощных буржуев-говорунов.

Сидя в президиуме за столом, традиционно накрытым красной скатертью, Макеев вглядывался в перешептывавшихся между собой делегатов, расположившихся внизу в деревянных креслах, в свое время выписанных специально для таких случаев генералом Мезенцевым, строго следившим за соблюдением формы везде и во всем. Александр вспомнил, как

хвастался Антон Карлович, что умыкнул полный комплект из полутысячи кресел прямо из-под носа «одного чинуши из ВЦСПС», собиравшегося преподнести мебель в дар реконструированному кинотеатру одной из столиц прибалтийских республик. Обновить мебель так и не успели. Едва закончили монтировать, началась Эвакуация.

Теперь вот вместо высшего офицерского состава ОГВ на Аргуэрлайле кресла занимают представители советских людей, предательски брошенных своими на чужой планете. Редко у кого на погонах поблескивают большие звезды. Все больше маленькие или вообще сержантские лычки. Ничего, не в величине и количестве звездочек счастье.

Здесь же присутствовали и представители союзных землянам племен Великой Степи. Не так много, как хотелось бы, но и немало – человек триста. Старейшины, мелкие князьки, шаманы. Ханов было лишь двое, правда, один не кто-то, а шестнадцатibunчужный – сам Гохосс-Со. И представляют они примерно этак до миллиона живых душ, как подсчитал еще год назад счастливо вернувшийся в Союз эксперт по военной демографии капитан Суртов. С такой силой за плечами можно не только обороняться от неприятеля, но и спокойно жить и работать. А там коли задуманное дело пойдет, как надо, то и другие степняки присоединятся.

Беспокоило слегка то, что у кочевников при себе имелось не только холодное оружие, каким они мастерски владели, но и огнестрельное – подарки союзников. Макеев предпочел бы, чтобы гости сдали его, но это было немыслимо, ибо подобное предложение смертельно оскорбило бы гостей – у вольного воина отобрать оружие...

Майор поежился. Все-таки непривычно находиться под обстрелом стольких глаз. Ему гораздо уютнее было бы сидеть там, внизу, со всеми, а не здесь, за столом, под двумя большими портретами, на которых местный художник запечатлел Ленина и генсека Андропова. (Их закончили незадолго до все той же Эвакуации, отчего лица вождей имели явные признаки степной крови.)

– Товарищи, – начал он, – разрешите считать совместное заседание Совета города Октябрьска и городской парторганизации, а также курултая открытым.

По его знаку Лунев включил проигрыватель, и из колонок понеслись торжественные звуки партийного гимна «Интернационал». Земляне тут же подхватились на ноги и застыли по стойке «смирно». Следуя их примеру, встали со своих мест и кочевники. Чужой ритуал показался им странным, но музыка понравилась.

– Прошу садиться, – молвил Александр, когда прозвучал положенный первый куплет с припевом. – Для ведения собрания нам следует избрать... кхе-кхе... рабочий президиум. Какие будут предложения?

То один, то другой военные вставали и называли имена, заранее написанные им на бумажке Лыковым. Всего кандидатов набралось человек двадцать пять. Среди них, «случайно» оказались и представители всех пятнадцати племен, и оба хана. Раздувшись от гордости, степняки прошествовали на сцену и воссели за столами. Некоторое непонимание возникло у них оттого, что перед ними не выставили никакого угощения. Только графины с водой и стаканы. Ну, да Высокое Небо этих чужинцев знает. Может, яства позже принесут.

– Повестку дня *вы все знаете*, – обвел Макеев собравшихся суровым взглядом. – Она у нас насыщенная. Разговор, товарищи, будет долгим и непростым. Для начала слово для доклада предоставляется секретарю нашей партийной организации, Лыкову Семену Васильевичу, танкхену племени Волка. Прошу вас, товарищ капитан.

Формально замполит еще не был капитаном. Представление, подписанное генералом Тихомировым, ушло наверх и не вернулось в виде приказа о присвоении очередного воинского звания. Однако в новых условиях было не до соблюдения формальностей. Тем более что муж двадцатibunчужной танши народа Волка по своему положению в феодальной иерархии Степи в переводе на земные звания мог считаться если не Маршалом Советского Союза, то уж точно не ниже генерал-полковника. За ним, вернее за его супругой, стояло примерно десять

тысяч кибиток, или до ста тысяч человек, пусть и считая женщин, стариков и детей. Весьма немало по нынешним временам, учитывая, что и женщины тут неплохо обращаются с луком, а дети ходят в походы с тринадцати лет. Неудивительно, что при выходе Семена на трибуну все кочевники почтительно приветствовали его. Исключение составил только Гохосс-Са – второй из присутствовавших здесь ханов. Он лишь махнул рукой, благожелательно улыбнувшись своему «младшему брату».

Макеев вспомнил короткую объективку, составленную на этого типа Костюком. Из нее следовало, что почтеннейший Са – самый хитрый, коварный и ловкий политик в этой части Великой Степи. Пока что он, хотя и был, конечно, «серой лошадкой», но внешне выказывал землянам дружелюбие. Но вот ждать от него можно всякого...

Лыков был одет совсем не по уставу. В стеганный золотом халат, подпоясанный золотым же кушаком. На голове – остроконечная шапочка, напоминающая то ли узбекскую тюбетейку, то ли войлочный шлем, типа революционной буденовки. На поясе сабля в усыпанных самоцветами ножнах и такой же богатый кинжал. Вместо положенных яловых офицерских сапог – щегольские сапожки из верблюжьей кожи с загнутыми кверху носками. Некоторой пародией выглядели парадные погоны с четырьмя капитанскими звездочками, нашитые на халат, – единственный намек на принадлежность замполита к офицерскому сословию.

«Вылитый Сухэ-Батор!» – усмехнулся про себя Макеев, разглядывая орлиную статью друга.

Сумеет ли только найти подходящие слова, чтобы убедить союзников взяться за то дело, ради которого и затевалось нынешнее мероприятие? Вроде уже больше полугода живет среди кочевников. Должен был хоть немного выучить их нрав и повадки. Тут простой партийной трескотней не возьмешь – не та аудитория. Цветистая риторика уже и на Родине порядком задолбала, и умные люди ее пропускают мимо ушей. Надо бы, конечно, что-то менять, но... в конце концов, это не его ума дело. Ладно. Хорошо бы тут, на Аргуэрлайле, начиная все буквально с нуля, не наделать былых ошибок и впрямь построить новый мир, где те, кто был ничем, станут всем.

Замполит между тем начал доклад. Как и предполагал Макеев, речь была составлена из расчета в первую очередь на гостей из Степи, чем адресована к землянам. Последние и так знали сложившуюся в Октябрьске и вокруг него ситуацию, как свои пять пальцев. Поэтому Лыков обошел стороной анализ причин катастрофы, больше сосредоточившись на возможных последствиях.

Кратко охарактеризовав внутреннее положение в остатках ОГСВ, которое, несмотря на имеющиеся сложности и проблемы, отнюдь не было безысходным, Семен перешел к обрисовке внешнего положения города и Степи. Тут он перешел на местный язык, не стесняясь украшать свою речь цветистыми выражениями, приличествующими скорее местному сказителю. Он клекотал по-орлиному, картинно взмахивал рукой, воздевая указующую длань вверх, словно обращаясь к авторитету небожителей. Да, вещал он, недавнее нашествие мерхтонов удалось отбить, но кто сказал, что оно будет последним? В Степи издавна шла вечная война, враг мог ударить откуда угодно. Лыков напоминал о Конгрегации, где вновь могут возобладать враги землян и вольных кочевников, о Сарнагарасахале и не успокоившихся слугах Черного Солнца, об империи Эуденоскаррианд, о неведомых областях северо-востока, откуда иногда приходили волны кровавых нашествий. И только единство и прочный союз всех племен, родов и княжеств даст им возможность жить, не думая о том, что завтра их семьи станут кормом для стервятников.

Речь Лыкова не раз прерывалась одобрительными возгласами, а завершилась аплодисментами землян и грохотом рукоятей плетей о кресла – кочевники были поражены таким красноречием чужинского сардара. Большинство из них не могло говорить и десяти минут кряду.

Явно само Вечное Небо и Священная Луна дали мужу Ильгиз Сем Ену вдохновение. Однако ж надо было подумать, посоветоваться. Подобные дела в спешке не решаются.

Конечно, степняки в общих чертах знали, зачем их приглашают в бывший мертвый город Тхан-Такх. Лыков заранее оповестил их о том, что затевают пришельцы. Было время поговорить внутри каждого племени, в общих чертах определиться. В итоге в столицу чужинцев приехали те вожди, которые в целом были согласны с идеей подписать договор. И все же следовало утрясти детали.

Земляне хорошо понимали ситуацию и не торопили возможных союзников. В конце концов, собрание только открылось. Причем провести его следовало за сегодня и завтра. Не потому, конечно, что таков был регламент – не было никакого регламента. Просто по давнему обычаю большинству кочевых народов возбранялось оставаться за стенами города дольше, чем на одну ночь.

Председательствующий объявил перерыв до завтра и пригласил дорогих гостей на пир. Степняки оживились. Наконец-то. Давно пора было вспомнить о традициях. Не все решается на голодный желудок и трезвую голову...

Сидя во главе пиршественного стола, машинально улыбаясь и поднимая одну заздравную чашу за другой, Александр размышлял.

Собственно, чем бы не кончилось это собрание, значило оно одно – все его спутники смирились с тем, что помощи не будет и врата не откроются ни сейчас, ни... Скорее всего, никогда больше.

Сам Макеев уже давно приучил себя к этой мысли – по старой привычке готовиться всегда к худшему.

Что-то там не получилось, не срослось. У ученых ли мужей или отцов-командиров, неважно уже. Также неважно, по какой причине.

До него доходили какие-то слухи о зловещих предсказаниях, сделанных местными и своими магами, да и без них – едва ли не ежегодные учения на тему действий в условиях ядерной войны оптимизма не прибавляли. Возможно, все было проще – не оправдавший надежд проект закрыли раз и навсегда или до лучших времен (что обычно означает одно и то же) – как это водилось у них частенько.

А может быть, как он подозревал все чаще, кто-то или что-то просто захлопнуло дверь между мирами.

Пожалуй, это сознание оторванности от всего мира было самым тяжелым в их положении. Если на то пошло, то лишь надежда на чудо, на то, что за ними вернутся, что не бросят своих, поддерживала их в прошедшие месяцы, которые стали для землян куда большим испытанием на прочность, чем все те победоносные войны и походы, которыми был заполнен год после их вторжения сюда.

К тому же думать было особенно некогда. Минувший год прошел в тяжелых трудах по хоть какому-то обустройству на этой земле.

Пусть не было острой нужды беречь каждый патрон и каждую гайку, еще возможные угрозы были далеко на севере и востоке, еще витала над ними тень прежнего могущества державы, находящейся по ту сторону грани, разделяющей миры.

Все силы и время отнимали трудные, но понятные и необходимые дела.

Для начала им пришлось собрать в городе всех рассеянных почти по полутора сотням тысяч квадратных километров соотечественников. Да еще вдобавок к ним – аборигенов, опрометчиво (и слишком тесно) связавших свою жизнь с чужинцами.

По этому поводу среди командиров были споры, но возобладала мысль, что бросить тех, кто им доверился, было бы не только недостойно (если не сказать – подло) советских людей,

но и опасно. Мало того, что наверняка это сочли бы признаком слабости, но кто, скажите на милость, станет иметь дело с трусами и предателями.

Это было воистину спасительное решение. Ибо именно аборигены стали их помощниками и советчиками в этом мире, именно они давали неоценимые советы по части местной жизни и порядков. Без этих советов они наверняка бы не сумели протянуть этих месяцев. Именно местные подсказали, что надо любой ценой сохранить торговлю и хорошие отношения с купцами, они сумели наладить старые кяризы и собрать урожай. А были еще и всякие ремесленники, владевшие всеми теми мелкими умениями, без которых невозможно представить жизнь – от сапожного дела до гончарного.

А еще предстояло собрать отставших и беглецов (майор решил отложить до лучших времен вопрос о дезертирах). Надлежало продумать и организовать оборону города и как-то заново договориться с соседями и союзниками, постаравшись, чтобы те не стали бывшими. В конце концов, наладить хоть какую-то власть – желательно подходящую для текущего момента.

Они стаскивали сломанную технику с «точек» и постов – сколько же добра оказалось брошено в спешке!

Начальник тыла гарнизона, или как его все чаще называли по примеру местных жителей – войсковой казначей, Иван Петрович Довбняк, старший прапорщик (чей газик просто не успел к закрытию дромоса, провалившись в овраг), проявлял совершенно зверское скопидомство, таща в свой НЗ каждый подшипник, каждый не до конца прогоревший поршень и каждый гаечный ключ, случайно найденный при разборке на металл сломанной машины.

По этому признаку с ним мог сравниться лишь начпрод, ефрейтор Власенко.

Ночами не спали над скверно вычерченными картами окрестностей, разрабатывая планы обороны, схемы распределения мангрупп и прикидывая возможность маневра огнем для скудного артиллерийского состава гарнизона.

А вспомнить, сколько было мучений с переводом двигателей на местное топливо – как маялись, смешивая в разных пропорциях конопляное масло, перетопленное баранье сало и самогон. Как, матерясь, разбирали забитые копотью картеры и карбюраторы...

Впрочем, старшему лейтенанту Бурову приходилось еще хуже. Выходящее из его с грехом пополам сляпанной пиротехнической лаборатории вызывало страх – и, прежде всего, у самих бойцов. Однако произведения главных механиков – капитана Бровченко и Эгорио Самтара, в прошлом войскового кузнеца империи Сарнагарасахал, выглядели еще страшнее.

Да, работы был полон рот, предаваться унынию некогда.

А ведь были еще рейды против осмелевших разбойников, вновь начавших было пощипывать купцов и крестьян, было и сопровождение караванов.

Жизнь также брала свое. Некоторые офицеры и солдаты женились, кто на дочерях окрестных земледельцев и ремесленников, кто даже на привезенных торговцами рабынях.

И даже сам Макеев начал приглядываться к Алтен. Ну и что, что колдунья? Зато умница и красавица. Да и в бою не раз проверена. Чем не офицерская жена?.. Да все времени объясниться не было...

За всем этим как-то было недосуг внимательно прислушиваться к новостям из-за рубежей их княжества. Мир для землян, как для их далеких предков, вновь съежился до городских стен и горизонта.

Мимо них прошла странная смута в Холми, когда его некоронованный король, великолепный Эйгахал Коцу, вдруг отрекся от власти и с горсткой сторонников удалился в добровольное изгнание – куда-то в земли севернее Эуденоскаррианда. За этим последовал раскол на две не то общины, не то партии, но при этом формально ковен не разделялся.

Что там происходило у магов, достоверно сказать не могли даже подчиненные Макееву чародеи – этого вообще, похоже, никто не мог объяснить.

Пришли вести, что вспыхнула гражданская война в Сарнагарасахале. Потомки старой знати – не всех их вырезали жрецы за почти тысячулетнюю историю (резали-резали, да не вырезали!), городские старейшины и вообще какие-то непонятно откуда взявшиеся люди занимали города, собирали армии и шли войной друг на друга за право возглавить единую державу, очень быстро превращающуюся в скопище свободных и независимых пепелищ.

Окраинные владыки и царьки, те, кто был поумнее, в драку не лезли, зато масла в огонь подливали лихие набеги кочевников. Многие роды и даже племена просто уходили в бывшие провинции империи, что когда-то были владениями степного народа, и оседали там, превращая поля в пастбища и облагая земледельцев данью – тех, кто не попал под горячую руку – точнее саблю.

Вот тут Макеев, да и его подчиненные не на шутку встревожились. Если эти победят, то не успокоятся, пока все уцелевшие земляне не окажутся или на возрожденных алтарях Шеона-каллу, или в рабстве. Выручил старый Гаэрил Железный Дуб, неожиданно атаковавший лагерь возрожденцев и полностью вырезавший всех, кого настигли его всадники. Но это благодеяние, оказанное им землянам, оказалось последним – спустя месяц хан умер от неведомой болезни, с которой не справились даже чародейки ковена Грайни.

За этим последовало отпадение четырех племен, которые не пожелали подчиняться жемине и «жене чужинца». Но оставшиеся сохранили верность его дочери.

На курултае Ильгиз удалось взять в свои крепкие ручки вождей народа Волка. Кого лаской, кого таской, кому-то пообещав новые пастбища, кому-то напомнив, чем он обязан отцу и что боги обычно карают за неблагодарность, а кому-то вовремя напомнив, что соседние племена тоже не прочь разжиться пастбищами, стадами и водопоями.

И стяг с тамгой Ильгиз по-прежнему украшал немало бунчуков.

Так супруга старшего лейтенанта Семена Лыкова стала танши – первой степной царицей за минувшие полвека.

Но вот когда все успокоилось, и пришло окончательно осознание того, что их бросили тут, у закрытого портала, что они в этом чужом и чуждом мире – навсегда.

Навсегда.

Именно сочетание двух этих слов – *навсегда* и *никогда* и давило беспощадно на каждого из них – и на офицера с незаконченной академией, и на дипломированного ученого, и на серого стройбатовца.

Кто-то застрелился, кто-то спился – и никакая магия не помогла, а несколько человек буквально исчахли, истаяли от пожиравшей их изнутри тоски и нежелания жить – так определили их болезнь все те же маги. Удалось спасти лишь двоих из дюжины...

Когда разговоры об этом стали почти открытыми, Александр совсем уже было решил собраться всем и решить, как действовать. Но это пришлось отложить – пару месяцев назад пришли тревожные вести. На западе Бесконечной Степи объявилось дикое племя многочисленных темнолицых кочевников, именующих себя мерхтонами, начавшее теснить союзников. Племя Волка послало людей на помощь, но отряд был разбит и уничтожен. И тогда Макеев сам вызвался помочь.

И дело было не в прекрасных глазах танши Ильгиз, конечно.

Сами пришельцы вряд ли бы дошли до Октябрьска, но вторжение грозило стронуть с насиженных мест десятки, сотни тысяч табунщиков и пастухов Степи, выбитых с мест вторжением, а те, в свою очередь, должны были потеснить соседей.

Как знали земляне – и из собственной истории, и из местных легенд, подобное перемещение народов всегда предвещало великие бедствия.

Макеев популярно объяснил это на военном совете сомневающимся, наглядно показывая возможное развитие событий на недавно вычерченной карте Аргуэрлайла.

– Смотрите, – вещал он, – они идут на юго-запад. Значит, выдавят риртов на юг, а те навалятся на восточных кэрулов, одновременно сбивая со старых кочевий хукаров и теорингов. И вся эта толпа явится сюда, лишенные своей земли, голодные, злые...

– Верно, – закивал союзный пятибунчужный хан Тром. – Так пришли когда-то в Степь и наши предки, только с юга.

И добавил, как-то не по-хорошему усмехнувшись:

– Руины городов царства Зоттар до сих пор торчат над степью...

Поход вышел дьявольски трудным. Ломались детали, казалось, вполне надежные и которых по какой-то непонятной причине не оказывалось в старательно собранных Довбняком «запасках». Глохли движки на непривычном горючем. Приходилось бросать машины, снимая с них все, что можно.

По дороге пропало несколько человек, причем ни маги, ни шаманы, прикрывавшие отряд, не поняли, в чем дело.

И когда поредевшая колонна, наконец, вышла в место сбора войск союза племен, над которым вздымалось двадцать два бунчука хана Сем Ена, обгоняя ее, туда уже добралось прозвище угэн-зарапп – погонщики черепах.

Едва почти вся боеспособная техника с горем пополам выдвинулась к месту грядущей битвы, то выяснилось, что пришлецов не жалкие пятнадцать тысяч, как сообщали союзники, а как бы не все сорок.

Пожалуй, у них бы ничего не вышло. Просто не хватило бы взятых с собой боеприпасов. Но Макеев буквально в считанные минуты нашел выход. Собрав кулак из бронемашин, он рванулся прямо через ряды конных и пеших врагов туда, где возвышались бунчуки ханской ставки врагов, и расстрелял всех, кто там оказался, из пулеметов, а потом еще вбил в землю колесами. Та битва стоила им еще трех машин, спаленных шаманами врага, а еще в одной умер экипаж от неведомого черного колдовства.

Но враг был разбит, и остатки мерхтонов бежали обратно в свои дикие дебри и урочища.

И вот тогда на победном пиру Ильгиз, улучив момент, подошла к Макееву, уже слегка осовевшему от молочной водки и вина из диких ягод, и в нескольких словах изложила план, который они потом вместе с ее супругом и еще Алексеем Костюком втроем довели до ума.

Первое впечатление от предложения было – что за чушь? Но потом, по мере размышлений, по мере обдумывания, Макеев только восхищенно качал головой, ибо эта девчонка, на Земле еще учившаяся бы в школе, была, пожалуй, умнее всех вождей на сотню конных переходов вокруг и могла потягаться с великими правительницами Земли, вроде Екатерины II или Елизаветы I Английской.

Впрочем, немало добавили и они с Костюком, тоже не лыком шитые, в отличие, кстати, от (вот каламбур к случаю!) Лыкова, который, похоже, уже привык смотреть дорогой супруге в рот.

Было в предложенном плане много сомнительного, была откровенная демагогия, рассчитанная на простодушных степняков, и даже мелкое жульничество. Но дело того стоило – маленькой колонии землян, а заодно и всем местным жителям-степнякам будет при удаче обеспечено лет десять – пятнадцать большого мира и процветания. А там можно будет сделать новый шаг, когда простые пастухи поймут, что пасти свои стада лучше, чем чужие, а родовые старейшины – что иметь хана вовсе не обязательно, вернее, достаточно одного на круг племен, так меньше баранов будет сожрано и кумыса выпито.

Десять лет мира – вот что им нужно. Только десять! Дальше все пойдет само, как цепная реакция. И если она пойдет правильно, то может быть когда-нибудь из вот этих степей в небо взлетят космические корабли.

* * *

Октябрьск / Тхан-Такх. Штаб ОСД ОГСВ

Макеев еще раз изучил лежащий перед ним исчерканный листок, с легкой печалью посмотрел на пару скомканных бумаг черновика в мусорной корзинке. Бумаги у них хватает, по крайней мере, пока.

Незадолго перед аварией у них наконец-то решили выпускать фронтовую газету. Для ее выпуска им пригнали из Туркестанского округа снятую с длительного хранения походную типографию – десяток машин, содержавших лнотипный наборный цех, тигельные печатные машины, цинкографию, редакционный комплекс с рабочими местами для литературных сотрудников, корреспондентов, машинисток и даже телетайпную связь. Плюс всякую мелочь вроде своей дизельной электростанции и даже полевой кухни. Ну и само собой целый склад газетной бумаги. Да вот незадача, при пробном запуске дизель-генератор аж пятьдесят третьего года выпуска загорелся, спалив и электростанцию, и половину фургончиков. Так ОГСВ осталась без газеты, а они соответственно с бумагой.

Да, бумаги пока хватает, а как кончится, придется, видимо, на бараньи шкуры переходить, как жрецы и шаманы степняков.

Майор перечитал бумагу и так и эдак. Все вроде правильно. Но подписать этот листок значило перешагнуть невидимую черту, за которой останется слишком многое. Однако другого выхода не оставалось.

Перечитал еще раз неровные строчки.

Приказ № 091 по Отдельному сводному дивизиону ОГСВ.

В связи со сложившейся обстановкой, приказываю:

1. С сего числа – 1 июля месяца 1984 года (Год Низкой Луны, месяц Жары, девятый день) считать Отдельный сводный дивизион ОГСВ расформированным.
2. На его основе сформировать силы самообороны г. Октябрьска и прилегающих территорий, исходя из принципа разумной целесообразности.
3. Личный состав дивизиона за исключением служащих сил самообороны считать находящимися в бессрочном отпуске.
4. Всех офицеров, прапорщиков и сверхсрочнослужащих считать зачисленными в состав сил самообороны, за вычетом необходимых для существующих и вновь формируемых гражданских служб г. Октябрьска и прилегающих территорий.
5. Упразднить Октябрьскую военную комендатуру.
6. На основе подразделений и личного состава военной комендатуры сформировать органы гражданской власти на соответствующей территории, в дальнейшем именуемой городом-республикой Октябрьск, или Октябрьским особым административно-территориальным образованием (названия равноценные).
7. До окончательного утверждения порядка управления считать высшим органом власти на всей территории бывшей зоны ответственности ОСД ОГСВ Совет народных представителей (он же курултай), с включением в него наряду с советскими гражданами представителей местного населения.
8. Передать Совету (курултаю) всю полноту власти, включая право командования силами самообороны, вопросы уголовного наказания, внешних сношений и т. д.

9. Председателем Совета (курултая) вплоть до проведения выборов временно назначить майора Макеева А.П.

Вздыхнув, он макнул стальное перо в чернильницу и размашисто расписался, выводя каждую букву:

«ВРИО командира Отдельного сводного дивизиона, майор Советской армии Макеев А.П.»

«Вот и все!» – устало подумал, откинувшись на спинку кресла.

Рука не дрожала, и перо не выпадало из рук, как писали старинные романисты, – видать потому, что к этому дню он шел почти полгода. А вернее даже с того самого дня, когда увидел пустоту на месте входа в дромос и все понял.

Понял, что их тут бросили, так как поверить, что их действительно могли забыть, он не мог – сколько бы не ругали сослуживцы и он сам родной армейский бардак, но уж слишком за гранью была подобная мысль.

Конечно, оставалась ничтожная вероятность, зудевшая в мозгу спасительной мыслишкой, что ученые умники во главе с этим сыном члена Политбюро просто ошиблись со сроками схлопывания межпространственного коридора. Ведь и вправду – дело-то новое, можно сказать, первый опыт (чертовы ученые крысы, не могли сперва на мышках потренироваться!). Именно так он объявил на первом общем собрании всех тут оставшихся, и именно так, по крайней мере на словах, думали его товарищи.

Да только вот Макеев все же не первый год служил в армии – подольше большинства офицеров, учился на высших стрелковых курсах, готовился в академию... Наконец, успел побывать «за Речкой», а это школа, стоящая любой академии (для того, кто хочет учиться, само собой). И понимал, что будь так, не стали бы товарищи генералы ни с того ни с сего выдергивать со всех частей народ и собирать в это непонятное подразделение прикрытия (прикрытия чего?), не попали бы в него по странному стечению обстоятельств почти все женившиеся на местных девушках или заведшие постоянных подруг... Наконец, не стали бы держать эти самые «части прикрытия», дожидаясь неизвестно чего по эту сторону дромоса, а вывели бы сразу за основными силами. И особенно подозрительно, что в этом заслоне не оказалось ни одного особиста, хотя в подобных частях они обычно имеют место быть в сверхкомплектном количестве.

Но, не подавая виду, Александр поддерживал в своих товарищах и подчиненных веру, что несчастье произошло случайно, что их не бросят, не могут бросить, что вновь пробьют проход между мирами – как когда-то на Большой земле спасали вопреки всему нуждавшихся в помощи из полярных льдов и штормового моря.

Делал это не из чувства долга, хотя и продолжал чувствовать себя офицером Советской армии, а потому что не мог отнять у тех, за кого отвечает, еще и надежду с верой.

Напротив, они старательно готовились к выводу, время от времени отрабатывая быструю эвакуацию; по его приказу выставили специальный пост с рацией и сигнальными ракетами в месте, где дромос выходил в Аргуэрлайл.

Но одновременно, как бы на всякий случай, Макеев принимал меры на предмет, как казенно формулировал он на совещаниях, «долговременного пребывания в точке базирования».

И как теперь понимал, он был прав на все сто, ибо надежда вернуться давала землянам силы.

Но нельзя бесконечно обманывать себя и других. И все чаще на штабных посиделках при дежурных словах о возвращении майор ловил на себе взгляды подчиненных. То злые, то исполненные тихого отчаяния, то насмешливые, мол, видать, полный дурачок их командир.

Александр в отличие от большинства сокурсников не игнорировал занятия по специальной психологии в училище и поэтому знал несколько нехитрых правил. Во-первых, в критиче-

ской ситуации за командиром пойдут, пока ему верят, а верить ему будут, лишь пока он верит сам в себя. Во-вторых, в критической ситуации можно отдавать приказ, который будет выполнен, потому что первый же невыполненный приказ станет, скорее всего, последним приказом, отданным тобой.

И поэтому он и начал по очереди беседовать то с одним, то с другим офицером, сержантом, рядовым, приглашать к себе магов и местных старшин.

Так вот и родился этот документ.

И прежде чем встать и выйти в соседнюю комнату этого бывшего дворца давно забытых властителей, где сидит его штаб, еще не знающий, что с этой минуты они все уже по сути перестали быть солдатами, Александр вспомнил, как это начиналось...

– Итак, товарищи, – оглядел Макеев собравшихся.

Хотел было пошутить, добавив что-то вроде: «Юбилейное заседание, посвященное благополучно прожитому четвертому месяцу существования нашего дивизиона, прошу считать открытым», но уж слишком усталыми и осунувшимися были лица у людей.

– Чтобы даром не терять времени, думаю, что настало время подвести некоторые итоги. По месячной давности распоряжению штаба каждый из вас собрал информацию о, так сказать, ситуации на своем участке ответственности. Чем мы располагаем, и соответственно из чего следует исходить при планировании дальнейших действий. В различных вариантах и ситуациях, – многозначительно добавил он, – Пусть начнет... ну, хотя бы ты, Иван, – обратился он к капитану Бровченко, своему зампотеху.

– В распоряжении сводного дивизиона, – слегка грассируя, начал тридцатилетний танкист, нервно одернув китель, – имеется три танка Т-64, правда, к сожалению, два из них не на ходу, собственно, почему они тут и остались.

Собравшиеся закивали – история с двумя танками, застрявшими на Двадцать третьем форпосте из-за того, что по милости придурка-комвзвода с говорящей фамилией Гадлоев у них спалили передачи, была известна всем. Кстати, сам взводный благополучно эвакуировался, а вот оба экипажа кукуют тут...

– Как вытащить их, мы пока не придумали, но работаем над этим. Но не волнуйтесь, товарищи, – зачастил Бровченко, – в крайнем случае снимем с них все ценное, сдернем башни и приспособим в Октябрьске под доты.

Танкист явно нервничал, хотя и не из-за службы. Скоро предстояло рожать его супруге, юной Читтак из рода Хоррисан, а с медициной, между прочим, у землян конкретно ухудшилось.

– Имеется также... – Он взял со стола неровно обрезанный лист неважной бумаги. – Бронетехника – двадцать четыре БТР-30 и семнадцать БТР-1, шесть БМП-2; КШМ – две, МТЛБ – одна. Автомобили УАЗ-409А – восемнадцать штук. Грузовики ГАЗ-66 – сто тридцать пять штук, грузовики ЗИЛ-130 – пятьдесят шесть штук. Наличествуют еще передвижные ремонтные мастерские марки ПАРМ-1 – одна, мотоциклы «Урал» с коляской – четыре, автоцистерны – семь, из них две – водовозные, и два заправщика. Тягачи артиллерийские – два, хотя один еле жив, трактора универсальные «Беларусь» – три.

– Неплохо, – одобительно произнес кто-то.

– Да, товарищи, – почему-то слегка покраснел капитан, – но вот какое дело... В основном техника битая, у иных машин ресурс выработан процентов на пятьдесят, а ЗИЛы в большинстве вообще не на ходу.

Макеев молча кивнул – да, они оказались счастливыми обладателями кучи битой и ломаной техники, которую эвакуация застала разбросанной по площади в десятки тысяч квадратных километров. К тому же часть из нее попала к ним уже после ремонта... («А в ремонт – из Афгана», – для себя добавил Александр.)

– А что у нас по горючке? – осведомился начальник штаба, не по-балтийски смуглый и уса́тый капитан Роальд Вилкас из последнего пополнения.

– Вот с этим хуже всего, – вздохнул Бровченко. – Фактически только то, что было в НЗ, да еще двенадцать тонн бензина из застрявшего под Тремя Скалами бензовоза. Во время сбора техники в Октябрьске мы сожгли почти все, что было.

Собравшиеся встревоженно загудели, пара человек вполголоса выматерились. И. было от чего. Без горючего техника практически бесполезна. А без техники им не продержаться не только до становящегося все более проблематичным нового открытия дромоса, но и, что называется, «вообще»...

– Постой, Иван, – буркнул Вилкас, – но горючее должно быть на Тринадцатой точке, у соседей на руднике? Туда его до фига возили, как я помню.

– В том-то и дело, – вздохнул зампотех. – Мы тоже так думали, но когда прибыли на рудник, оказалось, что там только груда пустых бочек. Как я понял, все истрачено на Эвакуацию. Разве что в главной емкости на дне было с полтонны – еле-еле ручным насосом выкачали.

– И шо будем делать? – едко спросил старший прапорщик Довбняк. – Или шо, лошадок станем в танки запрягать? Семен Васильич, – обратился он к Лыкову, дотоле молчавшему, – товарищ хан, у тебя там нигде во владениях нефть из земли не вытекает?

– Нет, – замполит воспринял вопрос всерьез, – ничего такого вроде не слышал, хотя могу поспрашивать... Нет, точно нет.

– Так шо делать будем? – повторил вопрос прапор.

– Ну, – нервно вздохнул Иван, – можно на спирту или газогенераторах, хотя с дровами тоже неважно... Дизель в принципе, как я помню, можно запустить на конопляном или подсолнечном масле, на ворвани.

– На сале! – хихикнул Довбняк.

– Я могу попробовать переделать движки, но тут есть свои проблемы...

– А конкретнее? Самогона не хватит?

– Это тоже, но главное – от нестандартного топлива механизмы будут глохнуть почем зря, гарь безбожно забьет картеры... В общем, ресурс сильно упадет, а с запчастями тоже проблема.

– Та-ак! – зловеще протянул Вилкас. – А с чем у нас еще проблемы?

– Остынь, Роальд, – осадил его Анохин. – Тут тебе не особый отдел.

Начштаба фыркнул, но заткнулся.

– Еще не хватает смазочного масла. Обычного всего пять бочек, а солидола нет совсем. Смазки для кардана тоже нет, и масла один-тринадцать, тоже. И консталина. Плохо со смазкой, – виновато закончил зампотех, словно сам был причиной нехватки. – И с шинами... некоторая нехватка. Правда, есть серная кислота – шесть сотен литров, и кислота для аккумуляторов – тонна.

– Ну, чего еще у нас нет? – позволил себе пошутить Макеев.

Под его взглядом поднялся молодой человек в форме без знаков различия – и тому была причина. Старшина медслужбы Гена Тупиков, в прошлом ротный санинструктор был главврачом дивизиона. Из всех трех ровным счетом ротных санинструкторов, он единственный отучился в мединституте – причем вылетел аж с пятого курса, как смутно припоминал майор особистские разговоры, за политику (не то ругал ввод войск в Афганистан, не то поссорился с комсоргом из-за девушки). В обществе офицеров старшина явно терялся и, чтобы хоть немного смягчить положение, ходил в стандартной «песчанке», у которой погон нет.

– Что говорить, – вздохнул он и, словно спохватившись, добавил: – Товарищ майор. Говорить нечего. В наличии примерно две тысячи перевязочных пакетов, вата, бинты, зеленка – пять больших банок, два комплекта инструментов для военно-полевой хирургии, шесть упаковок пенициллина, шприцы – девять штук и еще некоторое количество разбитых – вытащили

из мусора... Есть еще пара коробок таблеток кучей: аспирин там, димедрол – все, что не успели использовать в санчасти и госпитале. Но мало. Спирта медицинского...

– Сколько? – с усмешкой спросил Лыков.

– Не имеется, – убито закончил старшина. – И с обезболивающими никак. В смысле тоже не имеется. Вывезены как препараты строгой отчетности. Есть еще бормашина в зубном кабинете. Почти весь кабинет вывезли, а вот се оставили.

– Ничего более веселого сказать не можешь? – ехидно рассмеялся все тот же Довбняк.

– Могу, товарищ старший прапорщик, – вполне серьезно ответил Гена. – Позавчера с караваном пришла послушница ковена Грайни, направлявшаяся проездом в Крехсор. Явилась ко мне и сообщила, что целительницы сняли запрет на помощь нашим.

– Это хорошо, – обрадовался майор и тут же осведомился: – А почему сразу не доложил?

– Виноват, был занят по службе, не мог отвлечься, – отрапортовал начмед.

Майор вспомнил, что их отрядный медикус был действительно занят – как раз вчера рожала одна из горожанок, молодая вдова его солдата Кости Акинфиева, растерзанного месяца назад какой-то хищной нетварью в отрогах Клангорана, когда громили решивших угнеститься в тех краях разбойников.

– Насчет обезболивающих, – вмешался Артем Серегин. – Я вот думаю, может, нам использовать местный мак?

– Морфий неочищенный получить не так уж сложно, – кивнул Гена. – В принципе я знаю, как это делается. Хотя и теоретически, конечно, – зачем-то спохватился парень.

– Еще чего! – набычился вдруг Макеев. – Ты хоть понимаешь, какого джинна хочешь выпустить? Видел я в Афгане... Лучше уж самогоном пользоваться. стакан засадил – и давай, как в древние времена.

– Да местной сивухой только крыс морить! – скривился медик.

– Все, я сказал, никаких опытов с дурманом! – повысил голос майор. – У нас тут УК еще пока никто не отменял! А с обезболивающими – не смертельно. Магов будем привлекать для этого дела, того же Аора. Ладно, садись Нет, можешь быть свободным, товарищ Тупиков, твоя помощь может понадобиться в любой момент.

Довбняк проводил парня недобрый взглядом, буркнул в усы что-то вроде:

– Вот умник выискался! Дрянь всякую делать, студент!

Макеев решил, что хитрована пора бы поставить на место.

– А что у нас по хозяйственной части, товарищ старший прапорщик? – как бы невзначай выделил он невысокое звание острослова.

– С ней усе довольно неплохо, в свете того, шо могло быть и хуже, – крикнул, поднимаясь, зам по тылу. – Вот, зачту докладную записку по провианту. Еды у нас пока хватает, и недостатка не наблюдается. Есть кофе индийский и даже никарагуанский, и какао «Серебряный ярлык» – не особо много, но есть. Правда, сахару маловато, и чай только грузинский второй сорт, хотя его и побольше, чем кофею. Но и его, когда весь выпьем, взять будет неоткуда, как и кофий с какавой. С шоколадом те же дела – как сожрем те сто шесть кило, что от летунов остались, так придется о нем забыть. Но вообще муки у нас полсотни тонн, перловки хоть жо... завались, ну и пятьдесят тысяч банок тушенки – НЗ нашей Особой Группы. Тушенка, правда, с истекающим сроком годности, но прошу заметить – не с истекшим. Гречка, пшено, рис. Кстати, полагая, шо мы тут надолго, по своей инициатива приказал вверенным мне солдатам перебирать потихоньку оные крупы на прэдмэт отыскания пригодных к посеву зерен, каковые были высажены мной на соответствующие дэлянки. Также под мою ответственность имеющиеся пятнадцать мешков высеяны в грунт, и заявляю ответственно, что урожай с тех мешков есть не дам – думаю использовать, как посевной материал. Еще мною обнаружены и изъяты подсолнечные семечки, какие были в посылке у одного нашего бойца – так что будет у нас масло постное, правда, не рафинированное. Ну, еще налажены отношения с местными

крестьянами, а также горожанам оказана помощь в обработке пригородных участков полей. Но хочу сказать, шо желательно ничего у них пока не забирать, хотя бы в этот год. Потому как...

Макеев махнул рукой. Все и так понимали, что хорошие отношения с аборигенами важны как никогда, так что пусть пока лопают свою репу и прочие овощи.

– На крайний случай, – продолжил Довбняк, – думаю, товарищ капитан нам из своих стад барашков подгонит, – кивнул в сторону замполита. – Так что с голоду не помрем.

– Это всегда пожалуйста, – подтвердил Лыков. – Могу, кстати, предложить верблюдов, у нас их больше обычного в этом году. Так сказать, хороший урожай верблюдов выдался. Не молочный поросенок, конечно...

– Ничего, – покладисто согласился прапор. – И это сожрем, не до жиру... – Он усмехнулся, видимо, вспомнив идею Бровченко насчет топлива. – Но это еда. А вот с вещевым довольствием хуже. Если фактически, то только то, шо на бойцах, да в вещмешках. В наличии на складах имеется тысяча банок черного крема для обуви, два тюка холодного нижнего белья солдатского – трусы и майки, один тюк кальсон зимних и мыло хозяйственное. Вот и все. Правда, мыла много. Двадцать тонн.

– Что ж это получается? – тоскливо произнес Роальд. – Штаны с гимнастерками вывезли, а нас не успели?

– Да нет, товарищ капитан, просто у нас и до Эвакуации на складах было шаром покати. Вы же понимаете – секретность. Из-за этого нормального требования написать было ни на шо нельзя, все приходилось по фиктивным ведомостям в десяти местах получать – и без того кое-где бойцы уже обмундирование третьего срока носки надевали. Но вот что самое поганое – зима настанет через три месяца, а зимнего обмундирования у нас не имеется – вот его вывезли. Кончено, тут не Заполярье, и полушубки вроде как без надобности. Но вы же помните, тут даже и снежок выпадает.

– Шкуры и войлок для пошива верхней одежды я могу поставить, – с готовностью предложил замполит.

– Ладно, об этом нужен отдельный разговор. Что по вооружению?

Начальник службы боепитания Сергей Буров вставать не стал – сломанная нога еще давала о себе знать.

– В общем и целом ситуация такова. На сегодняшний день в распоряжении сводного дивизиона имеется, не считая штатного вооружения бронетехники... – Он углубился в бумагу. – Пистолеты Макарова 9 мм – сто штук, пистолеты ТТ – двести пятьдесят штук, пулеметов ручных ПК – девяносто восемь штук, гранатометов РПГ-7В калибра сорок миллиметров – двести, пулемет ДШК – один и еще три в нерабочем состоянии. А вот патронов к ним много. Еще обнаружено триста автоматов ПППШ и шестнадцать ящиков карабинов СКС – итого двести шестьдесят пять штук. Видимо, предназначались для вооружения союзников. Из артиллерии имеем две горные пушки, и по сто двадцать снарядов на каждую, батарею горно-вьючных минометов калибра 82,4 – даже и не думал, что это старье где-то хранится. Правда, пользоваться этим особо никто не умеет, – добавил он, вздохнув. – Есть еще одно 106-миллиметровое безоткатное орудие Б11 – предназначалось для вооружения морской экспедиции, но было оставлено у нас из-за поломки системы горизонтальной наводки. К нему двести снарядов. Стрелять из него, правда, придется, поворачивая всю пушку целиком, как в старину, но хоть что-то.

– Что еще?

– Серия плакатов по стрелковому вооружению для оформления учебного класса – десять комплектов, – закончил Сергей под тихие смешки собравшихся.

– А с патронами как?

– Патроны? Есть пока...

Он заглянул в бумажку.

– Патроны 7,62-мм к ППШ и ТТ – триста тысяч, патроны 7,62-мм образца сорок третьего года – в пинках и россыпью триста с чем-то тысяч, патроны для «калашей» калибра 5,54 – триста тысяч. Выстрела для гранатометов восемь тысяч, ручные гранаты Ф-1 – две с половиной тысячи. Еще есть восемь тысяч сигнальных ракет четырех цветов, и выстрелов к танковым пушкам калибра сто миллиметров – триста. Чего мало, так это патронов калибра четырнадцать и пять для КПВТ – от силы по три сотни на каждый ствол. К пулеметам Громова и того меньше – но двести семьдесят. Также с объекта тринадцатого управления КГБ вывезено тысячу двести килограммов аммонала и двести детонаторов.

Собравшиеся приободрились – с таким арсеналом ни одно войско в этих краях им пока не страшно...

А майор уже готовился опрашивать начальника службы связи и сигнализации, младшего лейтенанта Николаева...

...И вот сейчас, за дверью его, Макеева, ждут те же самые люди – чтобы услышать о перемене в их судьбе. С тех пор стало меньше патронов и почти не стало бензина, а место надежды на возвращение окончательно заняло понимание, что теперь их дом здесь.

Начиналась новая жизнь...

А какой она станет – это зависит от него.

От них.

От удачи.

От судьбы.

* * *

Октябрьск / Тхан-Такх. Дом офицеров имени Г.К. Жукова

– Не пей. Вино отравлено, – улыбаясь, словно сообщала что-то очень приятное, прошептала ему на ухо Алтеи, нарушив политико-этнографические размышления.

Руки Макеева, только что принявшие от Гохосс-Са тяжелую золотую братину с вином, традиционно завершавшую пиршество, непроизвольно дрогнули. Хорошо, что сосуд уже не был таким полным, как сначала, а то непременно пролил бы рубиновую влагу, что считалось у степняков дурным знаком.

Но как такое могло быть? Ведь он сам же и наливал напиток в братину из бурдюка и сделал первый глоток перед тем, как пустить ее по кругу. Тогда все было в порядке, а сейчас, выходит, кто-то успел подсыпать отраву, пока сосуд передавался из рук в руки. Кто? И зачем?

Ну, второе-то, положим, понятно. Кому-то не хочется, чтобы союзный договор между племенами и чужинцами был подписан. А вот кто? И главное – когда? Сколько человек до Александра уже успело отведать отравленного вина.

– Ты уверена? – так же негромко молвил майор.

Чародейка пожала плечами. Уж ей ли, главной специалистке по отравам в своем колене, не знать. Ядовитые вещества имеют ни с чем не сравнимую ауру, которую профессионал не может не заметить.

– Это Зуб Шеонакаллу, – убежденно заявила девушка. – Гадость редкая! Использовался высшей аристократией Сарнагарасахала для сведения счетов друг с другом. Действует медленно, но верно. Интересно, кто это решил раскошелиться?

– А что, так дорого? – полюбопытствовал Макеев.

– Безумно! За одну порцию нужно отдать сто лучших скакунов.

– Ого! – чуть не присвистнул Александр.

Цена для прижимистых степняков и впрямь несусветная – тут даже выкуп за невест обычно в овцах назначали.

Все это время он продолжал держать сосуд в высоко поднятых руках, демонстрируя братину – символ единения – всем присутствующим и отвешивая церемонные поклоны особо почетным гостям.

– Что же делать? – растерянно прошептал землянин. Само собой, пить это дерьмо ему не хотелось. – Может, сделать вид, что споткнулся, да и вылить все это на фиг?

– Нельзя, подумают – плохое знамение.

Майор и сам понимал, что не годится.

– Пей, сардар! – осклабился Гохосс-Са. – Время позднее. А завтра рано вставать, начатое дело заканчивать.

Делегаты-степняки утвердительно загомонили. Дескать, и впрямь пора на боковую.

«Вот же гнида, – подумал о хане Макеев. – Не иначе, как сам и подсыпал. Он ведь из гостей пил последним».

– Слушай, – уже чуть не в голос взмолился Александр, плюя на маскировку, – от этой мерзости какое-нибудь противоядие есть?

– Естественно, – пожала плечами магичка. – Только надо принять его практически сразу после отравления.

– Как быстро?

– Минут через пять-шесть. Максимум – десять. Иначе...

– Мать моя женщина! Где ж мы его так быстро найдем?! За десять минут добежать до грайниток, расспросить, выпить. Если у них оно, конечно, найдется...

– Зачем так далеко? – удивилась девушка. – Все свое ношу с собой.

Достала из поясного кармашка кусочек то ли дерева, то ли кости и продемонстрировала майору.

– Так чего ж ты?.. – Александр недоговорил, но его взгляд был очень и очень красноречивым. – За вечную дружбу между народами Великой Степи и... великим советским народом! – торжественно провозгласил майор и припал устами к братине.

Странно. Как на его вкус, так вино как вино. Ничего подозрительного. Впрочем, дегустатор из него хреновый. Всегда по-армейски предпочитал рюмку-другую обычной водки всяким там изысканным напиткам. Даже шампанское не уважал. Разве что полбокальчика на Новый год.

Вытер тыльной стороной ладони рот и поставил сосуд на стол.

Гохосс-Са одобрительно захохотал. Его смех, клопочущий, похожий на кудахтанье наседки, по понятной причине показался Александру дьявольской симфонией.

Повернувшись к Алтен, майор протянул руку за вождельным противоядием и наткнулся на лукавый взгляд черных очей магички.

Что такое?!

Лоб Макеева моментально покрылся испариной.

И тут он увидел, что искомое им, точно папироска, торчит изо рта чародейки.

Вот же ж... В такую минуту поиграть вздумала?!

Впрочем, он тоже был не прочь. Кто осудит воина, алчущего сорвать поцелуй с уст прекрасной девушки?

Жадно приник ртом к ее губам.

Зрители разразились восторженными криками, скабрезными комментариями и звучными хлопками. Если б они только могли оценить, насколько важным для Макеева было это лобзание.

На секунду оторвался, чтобы проглотить антидот, а потом в порыве радости от сознания того, что угроза миновала, еще крепче стиснул в объятиях хрупкую девичью фигурку, так, что Алтен даже ойкнула, и снова впился в ее уста.

«А не придумала ли она эту историю нарочно, – промелькнуло у Александра в мыслях, – для того, чтобы всем продемонстрировать, насколько она близка к нему?..»

– Да, здесь был яд, – подтвердил Аор Мак Арс, отведя взгляд от колбы, в которую был помещен остаток вина, находившегося в братине.

Алтен предусмотрительно велела одной из прислуживавших за столом степнячек унести сосуд на кухню, откуда потом и забрала его, чтобы более подробно исследовать в своей лаборатории.

Узнав о чудом предотвращенном покушении, за нею последовали Аор, Артем Серегин и Лыков. Само собой, не пожелала отставать от них и сама жертва. Хоть друзья и упрасивали Макеева отправиться домой и хорошенько отдохнуть.

Тщетно.

Единственное, на что согласился майор, так это прилечь на топчанчике прямо в лаборатории и отдаться в руки магов.

«Красный мирза», нахохлившись, наблюдал за тем, как трое чародеев манипулируют с полураздетым разведчиком, ощупывая и пощипывая его, размахивая над ним руками в причудливых пассах. Его рука машинально тянулась то к сабле, то к «Макарову», а по лицу блуждала тень раздражения и ненависти.

– Суки! – сплюнул он. – Такое дело чуть не угробили!

– Ты не ошиблась, сестра по Силе, – продолжил Аор, подержав колбу с вином над горячей спиртовкой. – Это именно Зуб Шеонакаллу. Но где ты умудрилась раздобыть Лунное сияние?

– Я применила Свет небес, – ответила девушка.

У мага челюсть отвисла чуть ли не до пола. Он недоверчиво уставился на коллегу:

– Хочешь сказать, что у тебя было это средство?

– Имелось, – удостоверила Алтен.

– И ты так просто рассталась с таким сокровищем?! – не поверил Мак Арс.

– Да, – пожала плечами магичка. – А что было делать?

Аор перевел взгляд на недоуменно созерцавшего их перепалку Макеева, оценивающе осмотрел его, словно видел в первый раз, и вновь обернулся к чародейке:

– Высокое небо, девочка! Ты таки потеряла голову...

– Что за Свет небес-то? – вмешался Лыков.

– Универсальное противоядие, – пояснил Серегин, уже изрядно поднаторевший в магических премудростях. – Очень редкое и жутко дорогое.

– Насколько? – поинтересовался Александр, памятуя о цене отравы.

– Ну, не знаю, с чем сопоставить, – помедлил Артем. – Какой эквивалент взять.

– Давай в местной валюте, в лошадах, – предложил майор.

Серегин прищурился, что-то прикидывая:

– Пожалуй, табуна в сто голов хватит.

– Екарный бабай! – не удержался танкхен, хорошо знающий степные расценки.

И восхищенно посмотрел на Алтен. Надо же, какая щедрая.

Макеев же встал с топчана, проковылял к девушке и, не стесняясь посторонних, нежно обнял ее. Чародейка доверчиво прильнула к его широкой груди.

– Вот еще нежности! – фыркнул Аор. – Не до того сейчас, молодые люди. Лучше давайте подумаем, кто мог совершить подобное злодеяние.

– Да кто ж, кроме этой поганой собаки Гохосс-Са? – хмыкнул замполит. – Ему наша затея с самого начала не нравилась.

– Я тоже так думаю, – кивнул Мак Арс. – Зуб Шеонакаллу – сильное средство. Если бы его насыпали в сосуд раньше, а потом передали вперед, то пока братина дошла бы до нашего

друга, первоначальные симптомы отравления у пивших из нее уже можно было бы заметить людям сведущим.

– Разве это не яд замедленного действия? – вспомнил слова Алтен Макеев.

– Да, – согласился маг. – Однако ж на отравленном тотчас же проступает знак укуса Темного Владыки. Специалисту по считыванию человеческих аур ничего не стоит заметить его.

Серегин и девушка подтвердили слова старшего.

– Я, конечно, не приглядывался к другим гостям, – задумчиво потерев кончик носа Аор, – но полагаю, что ни у кого мы этого знака не обнаружим. Впрочем, подождем до завтра. Тогда будем знать наверняка.

– Ой, что тут гадать! – стукнул кулаком по столу Семен так, что жалобно зазвенели банки и склянки. – И без медосмотра ясно, у кого рыльце в пушку. Прирезать суку потихоньку, чтоб белый свет не поганил.

– Нет! – отрезал Александр. – Не время и не место. Негоже великое дело начинать с пролития крови. Даже такой черной!

– Прямо ты у нас ангел! – саркастически изрек замполит. – Образец всепрощения.

– Нам нужен его голос, – твердо молвил Макеев. – За ним стоит не одна тысяча людей. Я думаю, что он завтра будет сидеть тише воды и ниже травы и проголосует за все, что мы ни предложим. В полной уверенности, что после моей смерти все равно все развалится. Кстати, а когда должен был бы наступить мой каюк?

– Месяца через полтора, – подала голос Алтен.

– Ну вот. Значит, полтора месяца затишья с той стороны нам обеспечены. А за это время все может произойти.

– Это уж точно, – ухмыльнулся Лыков, погладив своего «Макарова».

А черные глаза магички полыхнули зловещим пламенем.

Макеев как в воду глядел.

На следующий день хан-отравитель (Аор с Алтен проверили ауры всех степных аристократов и не нашли там признаков яда, окончательно уверившись в своих предположениях насчет личности покушавшегося) сидел тише воды, ниже травы, и как пионер с готовностью проголосовал за принятие договора.

Договора о мире, дружбе и вечном союзе. Именно так – между степными ханствами и Октябрьском был объявлен вечный мир и вечный союз, «пока светит солнце и плодоносит земля».

Одновременно все десять ханств объявляли о мире между собой, о том, что не будут ходить друг на друга войной и захватывать пленников, разве что кто-то похитит девушку, чтобы на ней жениться, ну и угонять верблюдов и коней (о баранах речи, понятно, не было, нужно быть реалистами). Если возникнет спор из-за пастбищ или водопоев, то прежде, чем решать его силой, обратятся к суду старейшин.

Также все должны были поклясться стоять друг за друга и выступать все, как один, если на кого-то из них нападут.

Кроме того, предполагалось еще кое-что – объявить, что поскольку никто не рождается рабом, то все дети рабынь получают свободу. Именно такой закон был принят еще при деде Ильгиз у народа Волка.

Большого сделать бы не удалось никому. Зарываться тоже не надо. Ибо нравы тут простые. Если хан пойдет против течения жизни, легко может стать одиозным хоть из двадцати, хоть даже и из ста, если такие бывали. Ибо если вождь недоволен ханом, он может в согласии с советом старейшин и мнением батыров и глав родов перейти под руку другого хана. Для этого всего и надо, что послать старому хану разорванный кушак или уздечку, а новому преподнести в дар лучший клинок из имеющихся в племени или клане, лучшего скакуна из

своих табунов, лучшую овцу из отар и лучшую девушку. В знак того, что его воины готовы биться под бунчуком хана, его девушки – рожать для хана воинов, его овцы могут попасть на его пир, а кони – под седло. Вот такой символизм вполне в духе древних скифов. Таков был стандартный набор. К нему могли прилагаться и сюрпризы вроде ожерелья для любимой жены хана или искусного шамана, который будет помогать его чародеям. Если хан принимал эти дары, сделка считалась заключенной, и властитель даже отдаривался. Обычно какой-нибудь красавицей, потому что девушки в степи были бесплатные, в отличие от коней и клинков.

Да, простые нравы. Вчера рубились без пощады, сегодня пируют-братаются, дочерей и сыновей женят, завтра – вместе набегом идут на третьих, потом ссорятся из-за добычи, и все заново. Нападут на город и разграбят. Не выйдет взять его, через месяц приедут на торг, как ни в чем не бывало. Удастся ли хоть что-то изменить?

Если и да, то не скоро.

А то есть тут... энтузиасты...

Десять дней назад, когда еще только прибывали гонцы с сообщениями о согласии ханов явиться на собираемый Совет, группа молодых офицеров представила проект переустройства жизни в Великой Степи и окрестностях.

«Что там Степи! – горячо убеждал Макеева главный энтузиаст, младший лейтенант Николаев. – Для всего Аргуэрлайла!».

Прочтя доклад, Макеев впал буквально в ступор. Спешно вызванный Лыков отреагировал примерно также. И было от чего.

Макееву предлагался не просто пост сардара города и председателя городского совета. Его предполагалось сделать... Президентом СССР. Да, именно так, ибо на собравшемся курултае нужно было провозгласить ни много ни мало создание Степной Советской Социалистической Республики со столицей Октябрьск (для степняков великодушно предлагалось сохранить параллельно другое название – Тхан-Такх). Понятное дело, что аббревиатура СССР ничего не говорила уху номада. Но для землян это звучало по-особому, как воспоминание о далекой Родине.

В территориально-административном плане Степная Республика должна была быть разделена на десять областей-аймаков, управлявшихся соответственно ханами проживавших на данных территориях племен.

Общее управление новообразованным государством возлагалось, естественно, на Верховный Совет – курултай, в который для начала должно было войти по десять представителей от каждой области и пятнадцать депутатов от столицы. При этом было оговорено, что через год или два пройдут выборы в целях ротации депутатского корпуса.

Был также предусмотрен Президиум Верховного Совета-курултая в составе пятнадцати человек – по одному от аймака и два от столицы. В замы Макееву предлагались Аор Тахрис Мак Арс, как представитель союзных магов, и бывший телохранитель Лыкова Кайтур – от степняков.

Самому замполиту, ныне танкхену, предлагался, как старшему из партийцев по должности, пост Первого секретаря ЦК КПСР.

Для партийного строительства молодой республики не было, как полагали инициаторы, важным то, что глава коммунистов не жил непосредственно в столице. Наоборот, территориальное разделение двух ветвей власти имело свои достоинства. То, что духовный лидер государства жил в самом сердце Степи, придавало его должности сакральный характер. Опять же так нужно было заниматься пропагандой и агитацией, привлекая в ряды «руководящей и направляющей силы» новых членов из числа «беднейших скотоводов и сочувствующей аристократии».

С полчаса, наверное, Макеев и Лыков сидели над этой бумагой и смотрели на нее как любимое животное местных пастухов на главные ворота Тхан-Такх, не зная – то ли смеяться, то ли материться.

В итоге молодых людей вызвали к Лыкову, и Семен на правах политрука прочел им лекцию о текущем моменте, недопустимости «экспорта революции», на что указывал еще великий Ленин, а также о том, что сейчас перед ними стоит вопрос выживания, а вот потом можно будет и подумать о развитии социального прогресса.

А затем до ума были доведены реальные предложения, которые приняты сегодня.

Управление союзом взял на себя городской Совет-курултай, в который, помимо жителей Октябрьска, вошло также по два представителя от каждого племени – соответственно хан и самый уважаемый из старейшин, так сказать, первый опыт в народной демократии. Потому как всеобщие выборы и равенство были бы слишком уж сильным новшеством, а тут вроде все понятно – старейшин биев и батыров тут уважали, чего же не позаседать. И прежде ханы их сажали с собой рядом. Главой союза стала, единогласно, Ильгиз – у кого больше бунчуков, тот и главный, тут и говорить нечего.

Но и тут земляне нашли хитрый способ, как улучшить свои дела, поскольку вроде как неприлично верховному правителю быть одновременно и представителем племени, он как бы над всеми. Так что места «депутатов» от народа Волка заняли Лыков и его побратим Сурдоб – самый молодой из старейшин. Тут даже Гохосс-Са не стал воздерживаться и проголосовал за.

Был также сформирован «консультативный орган» (тьфу, как смешно и нелепо звучат тут все эти земные термины). Опять же идея была Костюка и Ильгиз, но вброшена через все того же Лыкова. Дескать, уже давно пора, чтобы голос тех, кто стоит между миром земным и небесным, звучал наравне с голосом правителя. Так появился Совет Мудрейших – собрание шаманов и магов, выбиравших своего председателя. Как ни смешно, именно так должность и называлась на местном всеобщем – тот, кто «председает», то есть сидит выше всех.

Как ни странно, шаманы сами без подсказки выбрали не кого-то из своих, а решили, что им лучше подойдет Аор Тахрис Мак Арс.

Степные шаманы всегда предпочитали вести замкнутый, отстраненный образ жизни – так лучше свалить все дела на городского и явно сообразительного мага.

Были между делом официально решены и вопросы управления Октябрьском.

Городом управлял все тот же Совет, и главой его стал конечно же Макеев – Сантор Мак-хей, теперь носивший титул сардара – что-то вроде князя по земным меркам. Тоже пойдет на пользу – сардар, понятно, не какой-то там майор.

Закрепив решения курултая еще одной веселой пирушкой (прошедшей на этот раз под пристальным присмотром Аора с его магической братией), делегаты из числа нездешних разъехались по местам проводить постановления «партии и правительства» в жизнь, а гарнизон, так себя называли по привычке горожане, естественно, стал делать то же самое у себя дома.

А что выйдет из всех этих затей – время покажет. В конце концов, сами придумали, сами и переделают, ежели что не так пойдет.

Как в старой песне: *«Нам ли стоять на месте? // В своих дерзаниях всегда мы правы...»*

А если кто станет на их пути... ну так сам виноват!

* * *

Великая Степь. В трехстах километрах к северо-западу от Октябрьска / Тхан-Такх

Никакой особенной необходимости в сегодняшней охоте не было.

Мяса в кладовых вдоволь, гостей, которых следовало развлекать, не имелось, докучных дел, до того изматывающих нервы, что не знаешь, куда бы сбежать, тоже.

Просто захотелось подумать, побыть наедине с мыслями. А где еще так славно думается, как не в Степи?

Поэтому выбрался налегке, без особой экипировки и привычной, полагавшейся его сану свиты. Кликнул с собой трех верных нукеров, велел ехать так, чтобы он их не замечал.

Немного подпортил настроение шаман, старая кляча, сунувшийся к нему с какими-то предзнаменованиями. Отговаривал сегодня ездить куда бы то ни было. Привиделась ему, дескать, гиена, сожравшая Священную Луну.

– Не ездил бы, повелитель. Дурной знак. Прогневал ты кого-то из сильных.

Хан только отмахнулся от назойливой мухи. Вздумал советы давать. Никакого проку от него в последнее время. Одряхлел, ясность ума и сноровку утратил. Пора, пора менять его на нового, молодого и цепкого, да чтоб владыке не перечил, а верным и усердным слугой был.

Раздражение на вещуна прошло, едва кочевье скрылось с глаз и бескрайняя Степь приняла своего сына в материнские объятия.

Вот так всегда. То ли ветер выдувает из головы дурные мысли, то ли запахи от буйного разнотравья умиротворяюще действуют на душу, кто знает?

Сначала несся, сломя голову. Но отъехав от стойбища на приличное расстояние, пустил скакуна шагом. Пусть отдохнет верный друг, а хан тем временем о делах подумает.

Что-то там не срослось с его попыткой отправить на тот свет мерзкого чужинца. То ли дозу яда не рассчитал, то ли отраву недоброкачественную всучил ему проходимец-жрец Неназываемого, то ли пришлец оказался заговоренным от подобных покушений. Так или иначе, но два месяца прошло, а из Тхан-Такх никаких вестей даже о болезни тамошнего сардара.

Нехорошо. Придется держать ответ перед нанимателем по всей строгости. А тот шутить не любит. Велел любыми путями устранить Сантора Макхей, пообещав взамен не трогать территорию племени Гохосс-Са, а самого хана оставить во главе его двадцати бунчуков. Серьезное обещание, требовавшее серьезного подхода к решению проблемы.

Он же просчитался, не сочтя задание весьма сложным. И ведь какая возможность была. В ближайшее время подобная вряд ли еще представится.

Можно, конечно, напроситься к нойону в гости под видом того, что решил проверить, как работает его представитель в курултае. Однако ж это то же самое, что соваться голышом в муравейник. Сожрут и не поморщатся. Чего тогда будут стоять все его договоренности с новым хозяином?

Подослать наемных убийц? Это вернее. И кое-какие шаги он уже предпринял. Но кто поручится, что и злодеи не оплошают, как опростоволосился он сам? По рассказам, сардара охраняют так, словно тот сам Сын Бездны. И такие меры предосторожности были приняты чужинцами как раз два месяца назад, после окончания курултая.

Неужели они что-то пронюхали? Но почему тогда хан благополучно уехал оттуда – ведь за попытку отравить на пиру любого по законам Степи ждала смерть? Ну ладно, они не решились бросить ему вызов открыто – но ни тебе тех же убийц, ни даже косого взгляда.

Коварные пришельцы не хотят зря ссориться с могущественным владыкой? Вполне возможно. Он и сам затаился бы на их месте. Им есть чего терять. Без союза со Степью, как это верно подметил наниматель, чужинцам здесь не выжить даже с их чудесными металлическими нетварями. Потому и спешат навязать степнякам дружбу, заставив играть по своим правилам. Оттого и нужно разрушить их план в зародыше, чтобы не укрепились они здесь, на Аргуэр-лайле.

Мудр, мудр его союзник. А вдвойне мудр, что сам не пытается убрать врага, предпочитая действовать его, Гохосс-Са, руками... Потому что если дело всплывет наружу, то не оправда-

ется хан, потому что хан, слушающийся чужого приказа, еще хуже, чем хан, травящий на пиру хозяина праздника!

Из-под копыт скакуна порскнул заяц.

Ага, можно развлечься. Все-таки на охоту выехал.

Ну-ка, держись, ушастый!

Достал из седельной сумки пару легких дротиков. Примерился. Отвел руку, чтобы нанести верный удар.

И тут, дико заржав, конь встал на дыбы.

От неожиданности хан не удержался в седле. Однако натренированное тело степняка вовремя среагировало, и Гохосс-Са не сверзился кулем наземь, а сумел спланировать на короточки и сразу же встать на ноги.

Погрозив кулаком скакуну, хотел схватить его за узду и вновь запрыгнуть на спину, но не тут-то было.

Животное с каким-то жалобным всхлипом понеслось прочь от хозяина и вскоре скрылось с глаз.

Пожал плечами. Ничего, нукеры нагонят беглеца. Но что это приключилось с гнедым? Никак испугало что-то.

Огляделся по сторонам и вдруг, парализованный ужасом, застыл на месте. Почувствовал, как от страха зашевелилась на бритой голове прядь волос – примета знатного воина-степняка.

Прямо на него двигалась нетварь.

С виду она напоминала помесь ящерицы и скорпиона. Только вот лап было поменьше, чем у первой и второго. Всего две, похожие на петушиные – о трех когтистых пальцах и с когтем-шпорой. От скорпиона был длинный членистый хвост, заканчивающийся острым жалом, с которого капала слизистая жидкость. Наверное, яд.

Но самым страшным в монстре была его пасть. Огромная, треугольная. Причем в каждом углу помещалось гигантское жвало, искривленное будто сабля. От всех трех жвал в глубь пасти уходило по два ряда черных клыков.

Налитые кровью глазки с ненавистью смотрели на хана.

– Аш-ш-ш, – издала мерзкий звук гадина и засеменила к намеченной жертве.

Кочевник понимал, что нужно убираться прочь с гиблого места, однако не мог пошевелиться. Ноги отяжелели, словно на них колодки привесили.

– Повелитель, мы здесь! – послышался из-за спины крик одного из его нукеров.

И вот уже трое всадников встали между Гохосс-Са и нетварью, наставив на зверюгу пики.

– Аш-ш-ш-ш!!! – еще громче зашипела тварь и плюнула в одну из лошадей зеленой вонючей жижей.

Едва эта дрянь попала на круп благородного животного, то словно взбесилось и, подмяв под себя всадника, упало наземь, принявшись перекатываться на спине с боку на бок, бешено дрыгая ногами. Внезапно шкура лошади запузырилась, задымилась вонючим смрадом, и через несколько мгновений от скакуна и наездника осталось два черных обуглившихся костяка.

Остальные двое нукеров одновременно ударили пиками. Одна попала монстру прямо в пасть, и была перекушена клыками, другая впилась в левую ногу.

– С-с-са-а! – возопило чудовище и взмахнуло хвостом.

Жало впилось в грудь рослому усатому нукеру и, насквозь пробив тело, вышло со спины. Словно и не было на теле прочной стальной кольчуги, усиленной бронзовыми пластинками.

Подняв труп воина в воздух, монстр закрутил хвостом так, что нукер завертелся, словно бунчук, треплемый ветром.

Освободившаяся от седока каурая кобылка попыталась скрыться, однако не преуспела в этом, поверженная еще одной порцией едкой зеленой дряни. И вскоре еще одним черным скелетом стало больше.

Не в силах сдержать ужас, третий телохранитель помчался прочь с места бойни, но был сбит метким броском нетвари, запустившей в беглеца телом его товарища.

Гигантский прыжок, и монстр опустился прямо на пирамиду из двух живых и одного мертвого тела и принялся топтать их, кромсая острыми когтями лап. Превратив жуткую кучамалу в подобие фарша, животина стала жадно поглощать мясо, обильно поливая его слизью желтого цвета.

Расправившись с обедом, монстр повернул морду к все еще продолжавшему стоять каменным изваянием хану.

– У-ш-ш-с, – словно с издевкой шепнуло чудище.

Гохосс-Са мог поклясться Вечным Небом, что в алых очах мелькнуло что-то похожее на торжество.

Медленной вразвалочку походкой нетварь стала приближаться к степняку.

Перед тем как смертоносное жало пронзило его печень, хан еще успел подумать, что прав таки был шаман и зря он его не послушался.

* * *

Эуденоскаррианд. Танира – третья столица империи

Протянув невысокому торговцу лет тридцати с чем-то бляху низкопробного серебра на бронзовой цепочке – знак, обязательный для всех иноземцев, и получив «мзду на счастье» в размере, вдвое превышающем обычный, стражник доброжелательно улыбнулся.

– Счастливо вам провести время в высокобашенной Танире, почтенный господин! Удачи вам в торговых делах и да будут наши боги к вам благосклонны!

И Синти Роча, купец средней руки, торгующий медью, войлоком, каракулем и прочим товаром, что производят в землях на границах с Бесконечной Степью, ведя под уздцы своего некрупного конька, вступил на мощенные блестящими известковыми плитами улицы Таниры – северной столицы империи Эуденоскаррианд.

Позади было полтора месяца медленного покачивания то в конском седле, то между горбами верблюда, то в повозке, запряженной быками.

Путь его лежал мимо красных стен имперских крепостей на перевале Фансо, по соляной пустыне Рак'Хас. Через черный каменистый простор плоскогорья Хонго-Че, где злобные ветры сдувают целые караваны в пропасти, и через щебнистые расселины предгорий Шаргон-Тага, где в штольнях, вырытых древними искателями серебра и самоцветов, прячутся подстерегающие караваны разбойники и хищные гулары.

Чудесные зеленые живые изумруды – оазисы Камми, с их сочными дынями и персиками, и подлинным сокровищем – чистейшей водой из звенящих ручьев. И снова в путь, через новую пустыню, где, если верблюды вдруг начинают сбиваться в кучу и ложиться на песок, нужно не зевать, а быстро замотать лицо в край плаща или уткнуться в душно воняющий верблюжий бок – иначе яростный ветер, несущий мириады песчинок, наждаком сотрет твои глаза и забьет ноздри и легкие, принесет смерть от удущья.

Еще страшнее участь того, кого незримые демоны и миражи пустыни уведут с караванной тропы, заставив блуждать среди песчаных гор и глинистых растрескавшихся оврагов. Иссохшее его тело найдет лишь такой же, как он, обреченный – только для того, чтобы лечь рядом и умереть.

Но прошедшего пустыню ждет достойная награда. Нефритовый Полумесяц – созвездие торговых городов с белокаменным Тормасом во главе, с их рынками рабов, лошадей, тончай-

ших тканей и драгоценных камней, амулетов и чудодейственных снадобий, созданных здешними магами. Где в харчевнях гостям прислуживают полуголые девицы в золотых подвесках, а жрецы двенадцати богов правят службы в древнейших храмах.

И где живут люди, изыскающиеся на древнем языке, на котором больше никто не разговаривает за пределами Полумесяца.

Может быть, они потомки тех, кто построил в незапамятные времена те исполинские башни и города, руины которых возвышаются на заросших низким колючим кустарником холмах вблизи города?

И опять дорога под дребезжащий лязг грубых медных бубенцов на шеях верблюдов, через перевалы, мимо огромного озера, среди синих елей и снежных гор, и вот, наконец, имперские земли, с изобильными фруктовыми садами и щедрыми полями.

Еще один чужеземец вступил в этот город золота, изобилия, богатейших менял и ростовщиков, множества улиц, где дома богатых купцов превосходят дворцы князей и королей не самых бедных стран, где обитает миллион с лишним человек.

Город, откуда страной управляли уже почти двадцать столетий, был наполнен веселыми и довольными жизнью людьми.

Площадь у ворот на востоке столицы гудела от веселого народа, по внешним признакам не имеющего никаких особых занятий, но не испытывающего от этого ни малейших затруднений.

Судя по его лицу, на котором нет-нет да и проглядывало изумление, варвар явно был в этом великом городе, да и вообще в империи Эуденоскаррианд, впервые в жизни.

Он время от времени останавливался, глядя то на пару хохочущих толстух, ехавших куда-то в тележке, запряженной двумя крошечными длинноухими осликами белого цвета. То на важно выступающих верблюдов, на горбах которых на плетенных из ивы платформах восседали флейтисты, цимбалисты, барабанщики – целые маленькие оркестры, веселящие публику и собиравшие с прохожих медяки, сыпавшиеся в специально подвешенное на шею животного кожаное ведро.

Танирцы не раз даже посмеивались, созерцая удивленную, заросшую бородой физиономию купца – мол, вот же принесло забавную деревенщину.

Но, видимо, хотя иноземец тут ни разу и не бывал, но куда идти – знал.

Он безошибочно вышел к кварталу харчевен и гостиниц.

Он успокаивающе погладил своего конька и, вскочив в седло, начал неторопливо продвигаться по относительно тихой, обсаженной тополями улочке среди толпы женщин, одетых как редкостные бабочки, и важных мужчин, каждый из которых выглядел будто родич самого императора. При этом внимательный взгляд мог бы заметить, что человек этот при всей внешней безмятежности нет-нет да и заглянет украдкой в лица прохожих, словно кого-то высматривая.

Остановившись возле ворот одной из гостиниц, Синти Роча бросил поводья подскочившему слуге и вошел за ворота.

Начиналось время обеда, и под натянутым во двореке среди деревьев тентом за столиками расположились на лежанках, застеленных толстыми коврами, постояльцы – жители различных провинций империи, иноземцы из-за уже не такого далекого Лилового моря, северные кочевники в светло-зеленых одеждах, мелкие чиновники и просто странники.

Пряные запахи заставили гостя сглотнуть слюну, но он не остановился, а вошел в полутемный зал.

Сбоку от сидевшего за конторкой приказчика стояли водяные часы.

Несколько стеклянных сосудов, по которым, из одного в другой, вечно бежит вода; а когда один из сосудов наполняется, хитрый механизм издает тонкий громкий мелодичный звон – деревянные кулачки соприкасаются со стеклянными дисками. Этот безумно дорогой в

варварских землях предмет, который имели лишь очень богатые торговцы и властители, тут украшал заурядную гостиницу.

– Что угодно почтеннейшему? – с привычным профессиональным подобострастием осведомился служитель.

– Лучшие покои, какие есть, желательно – с собственной уборной и купальней, – сообщил гость.

– Но они стоят не меньше двух серебряных тигров, почтеннейший, – было произнесено в ответ.

– Беру. – На вытертую доску благородного кедра упал кошель.

– В день... – несколько ошарашенно произнес приказчик.

– Я же сказал – беру...

– О-о-о, досточтимый, конечно же, конечно... – подскочил угодливо кланяющийся приказчик. – Да, да, низжайшие и недостойные к вашим услугам.

– Эй! – рявкнул он в глубину коридора. – Варпинг, Сайтон, живо, живо, бездельники, проводите драгоценного гостя в его покои!

– Да, почтеннейший, прислать ли вам для омовения девушку... Или, может... мальчика? – справился лакей у дорогого гостя уже у дверей выбранного номера, оснащенных еще одним чудом имперской цивилизации – встроенным замком, ключ от которого болтался на яшмовом брелке.

– Нет, я желаю отдохнуть, – высокомерно бросил купец.

– А... – замешкался лакей, – но тогда... если вы будете один... Понимаете, низжайше прошу прощения, но у нас в уборных несколько отличное от... э-э-э... принятого в ваших краях устройство...

– Это что, вода сама течет из трубы, а испражняться нужно в особый сосуд, где струей уносит все добро? – ухмыльнулся варвар. – Я умею этим пользоваться...

Выбравшись из ванной и обтершись суровым полотном, почтенный торговец всякой всячиной с окраин Бесконечной Степи Синти Роча, он же начальник разведслужбы княжества Тхан-Такх Алексей Игоревич Костюк блаженно растянулся на широком ложе, застланном ворохом покрывал.

Вот и еще один путь подошел к концу...

* * *

Октябрьск / Тхан-Такх. Городские стены

По мнению Артема Серегина, уже давно надо было проделать это. Ведь в последний раз (да и, наверное, в первый и единственный) подобная процедура проводилась пару лет назад, еще в начале операции «Порог».

Как раз тогда произошло сближение одного из ковеннов Конгрегации, Холми, с землянами, и кормчий Эйгахал Коцу в качестве дружественной помощи новым союзникам предложил проверить древние стены города Тхан-Такх на предмет наличия магической защиты и в случае чего восстановить или поставить ее заново.

Сорок лучших магов было отправлено тогда на эту операцию. Аор, Алтен и едва только оперившийся, еще не вошедший в свою настоящую Силу Серегин наблюдали за работой холмийцев. Понятное дело, что Артем фактически состоял на посылах у старших товарищей. Однако ж, словно прилежный ученик-стажер, он жадно впитывал новые и новые знания о природе и возможностях магии.

Многого тогда еще не понимал, удивляясь, чего это убежденные сединами мужи и величественные дамы играют в непонятные игры. Например, берут камень, закладывают его в пращу и мечут снаряд в сторону крепостной стены, наблюдая за тем, как и куда он летит, что с ним

происходит и т. п. Даже сам вызывался поработать камнеметом (заодно и стрелком из лука, металыщиком копий и дротиков, таранобойцем) в надежде, что постигнет суть происходящего.

Кое-где брезжило озарением, но больше помогали комментарии Мак Арса и Алтен. Главным уроком стало осознание того, что магическая защита не универсальна и помогает только против магии же. Вот один камень спокойно перелетает через стену и может зашибить ее защитника, а другой, не долетая до преграды, рассыпается яркими искрами. Это потому, поясняли наставники, что первый – обычный булыжник, выпущенный из обычного камнемета или пращи. Второй же заряжен магией, если вообще не является ее полным порождением. Именно против таких и нужна защита, потому как, несомненно, они намного опаснее ординарного валуна, который может достичь или не достичь цели. Магический же заряд *всегда* находит мишень.

За прошедшее время защита могла ослабеть, особенно после того, как неведомо куда подевались союзники-холмийцы, подпитывавшие ее своей Силой. Нужно было найти «прохудившиеся» места и наложить заклинания вновь.

Это сделалось особенно актуальным в последние несколько месяцев, когда участились набеги из Степи всевозможных нетварей, выпущенных то ли слугами свергнутого землянами Шеонакаллу, то ли насылаемые союзниками новоявленного Потрясателя вселенной хана Ундораргира. Естественно, их отбивали, хотя госпиталь уже наполнился ранеными, а на городском кладбище даже появились свежие могилы. Не в силах пополнять отряд дозорных профессионалами, глава разведчиков капитан Анохин в категорической форме потребовал у исполкома городского Совета принять неотложные меры, иначе он сложит с себя полномочия по охране городских стен.

Макеев согласился, что положение дел серьезное, и поручил своему первому заму Аору заняться безопасностью столицы и ее граждан. Мак Арс без особого восторга принял свою первую миссию на новом посту, ибо дело было, мягко говоря, хлопотным.

Надлежало чуть ли не сантиметр за сантиметром прощупать городские стены, общая протяженность которых составляла более десяти километров. Для участия в операции надо было привлечь едва ли не весь контингент магов, находящийся у него под рукой. При этом многие участки, за которые отвечали кудесники, останутся без присмотра.

– А как же холмийцы справились силами сорока человек? – осведомился градоначальник.

– Они были настоящими мастерами, – пожал плечами Аор. – У меня таких раз-два и обчелся. Большинство недавно инициированные ученики. Пусть бы занимались своими делами, заботясь о ремеслах и урожае, а?

Однако градоначальник (или как его стали называть кочевники, сардар – владетельный князь) не счел такую аргументацию убедительной. Лучше сейчас недополучить пару центнеров корнеплодов, тонну-другую зерна или десяток арбалетов, чем рисковать безопасностью тысяч людей. Атаки нетварей – это, может быть, пробный шар, запускаемый кем-то в предстоящей большой игре.

Только после того, как прошло несколько дней с начала процедуры осмотра стен, Артем понял, насколько Мак Арс был прав.

Хлопотно – это не то слово.

Работа просто изматывала, не оставляя никаких сил на что-либо иное. Дарика сначала обижалась на мужа, но потом извечным женским чутьем поняла, что нынешнее служение отнюдь не забава, и как могла, старалась помочь, применяя свое мастерство целительницы.

Для начала нужно было изготовить неимоверное количество заряженного магией осадного снаряжения: камней, крючьев, копий, стрел.

Потом выбирался определенный кусок стены метров в сто, и на нем расставлялись мишени для пристрелки. В качестве стрелков выбирались наиболее опытные воины. С одной

стороны, чтоб не попасть в стоящего на стене мага, проводящего осмотр, а с другой, чтобы не тратить экспериментальное оружие зря, ведь на создание каждого экземпляра шло немалое количество Силы.

Самым тяжелым, конечно, был процесс наблюдения. Следовало на глаз определить, где находился пробой магической защиты, отметить его, а затем провести повторное наложение заклинаний. Причем в каждом новом случае могло понадобиться свежее, непохожее на предыдущее заклинание.

– От чего зависит природа пробоя? – полюбопытствовал Серегин у Алтен.

Спрашивать о чем-либо у мрачного Аора молодой человек не решался. Уж больно занят и измучен был зам градоначальника.

– Есть несколько факторов, – объяснила девушка. – Самый существенный – это характер заклинания, наложенного на орудие. Еще, конечно, важно противодействующее ему заклинание. Бывает, что Сила могущественнее той, которая ей сопротивляется. Да вот сам смотри...

Артем смотрел и видел.

Вот стрелок-степняк мечет камень.

Сначала со снарядом вроде бы ничего не происходит. Некоторое время он летит, как самый обыкновенный булыжник. Однако по мере приближения к стене что-то неумовимо меняется в его очертаниях. Вокруг камня появляется синеватый ореол, попыхивающий разноцветными искорками, напоминающими блески бенгальских огней. И вот до стены остается с полметра. Едва заметное колебание воздуха, и навстречу снаряду вырывается язычок оранжевого пламени. Мгновение, и от камня остается лишь щепоть черной пыли, медленно оседающей на землю. Все в порядке, можно переходить к следующему участку.

На сей раз пущена стрела.

Сначала все происходит как и с камнем: свечение, искры... Но при сближении со стеной ответного удара не случается. Стрела продолжает неумолимо приближаться к мишени, а когда пролетает над зубцами стены, над древними кирпичами образуется нечто, напоминающее микроскопический смерч. Он пытается поглотить стрелу. Тщетно. Та с угрожающим воем впивается в пятидюймовой толщины щит и буквально прожигает его насквозь, едва не задев при этом стоящего тут же Аора, чудом успевшего отскочить в сторону.

– Уд Шеонакаллу! – слетает с уст мага. – Какой кретин накладывал заклятие?

Узреть все это обычным зрением было невозможно. Лишь обученный искусству считывать ауры живых и неживых тел способен заметить такое.

– Теперь следующий этап, – продолжала урок Алтеи. – Следует выбрать подходящие чары для зашивки пробоя.

– А как ты определишь, против чего надо накладывать заклинания? Вдруг в следующий раз это будет не стрела, а, допустим, артиллерийский снаряд?

– Артиллерия на службе у магов? – удивилась чародейка. – Откуда ж ей у них взяться? Мы же не собираемся торговать своей?

– Ну, допустим, – упрямо настаивал Артем.

– Всяко может быть, – буркнул Мак Арс. – Не исключено предательство. Потому и чары следует накладывать универсальные, широкого спектра действия.

– Ты полагаешь, брат по Силе? – взлетели черные девичьи брови.

– Лучше перебдеть, чем недобдеть, – ответил маг подхваченной у чужинцев поговоркой.

Составление универсального заклинания дело нелегкое. Это Артем знал из теории, а нынче убедился и на практике.

Уж насколько доками были в военной магии Аор и Алтеи, и то больше двух недель не вылезали из лабораторной библиотеки, шурша древними свитками и фолиантами. В новые пособия по магии не заглядывали.

На вопрос Серегина, отчего так, Мак Арс ответил, что на стены Тхан-Такха изначально были наложены очень мощные чары, своими корнями уходящие как бы не в магию альфаров и прочих древних рас, некогда здесь обитавших. Холмийцы, восстанавливая защиту городских стен Октябрьска, вмешались в то, что было сделано до них, зачастую не понимая природы того, с чем имели дело. Теперь нужно исправлять их оплошности и огрехи.

Артем заметил, что Алтен не гнушалась и новых пособий. Правда, когда молодой человек заглянул ей через плечо в книгу, то обнаружил, что это пособие не совсем по фортификации, а манускрипт, посвященный вредительской магии, в частности, вызыванию и наведению нетварей.

– А зачем...

– У меня остались неоплаченными долги, – твердо сказала девушка и приложила палец к губам, скосив глаза на погруженного в расчеты Аора.

Лейтенант не стал уточнять, что она имела в виду.

Этап повторного наложения заклятий прошел уже намного быстрее, чем два подготовительных.

Над каждым проблемным участком сосредотачивались два-три мага из наиболее опытных и, приложив руки к городской стене, произносили магические формулы, изливая на кирпич часть своей Силы.

Хотя и это, безусловно, был весьма энергоемкий труд. Маги после каждого сеанса походили на выжатые лимоны. Приходилось обращаться за дополнительной помощью к грайниткам, поскольку Дарика и ее подручные просто не справлялись с таким объемом работы.

Благо чародейки-целительницы в поддержке не отказывали, поскольку речь шла исключительно об обороне, направленной не на уничтожение, а на защиту людей.

К концу второго месяца Аор Тахрис Мак Арс отпрапортовал перед городским Советом об успешном окончании операции.

Довольный Макеев потер руки и сказал: – Надо бы вас всех представить к орденам и медалям, однако наша молодая республика еще не обзавелась таковыми. Поэтому отложим это до лучших времен, а пока выражаю вам благодарность от себя лично и от имени всего личного состава вверенного мне гарнизона.

– Служу Советскому Союзу! – вытянувшись, откозырял Серегин.

Маги же попросту поклонились.

* * *

Октябрьск / Тхан-Такх. Артмастерские

Еще было далеко до заморозков и холодных ночей месяца Инея, когда на увядшие пожелтевшие травы падает изморозь, но промозглый ветер с гор уже чувствовал себя полным хозяином на улицах Октябрьска, заставляя горожан торопливо конопатить щели тряпьем и соломой и чаще подбрасывать в очаги дрова или черные булыжники огненного камня – еще один дар пришельцев этому миру.

Макеев невесело усмехнулся.

Помнится, в местных легендах много говорилось о том, что на Тхан-Такх издревле лежало проклятие, а в уже давние времена ОГВ историки, пришедшие в армейском обозе, все спорили о причинах гибели здешней культуры и запустения вроде вполне целого города.

А загадки-то никакой и не существовало – достаточно было прожить тут несколько лет. Просто-напросто город этот стоял на неудобном месте, зимой продуваемом ледяным южным ветром из предгорий, а летом – иссушаемом жарким дуновением Великой Степи, бравшим разгон над тысячекилометровой прокаленной солнцем равниной.

В месте, где земля была не столь плодородной, а воды еле-еле хватало.

Наверное, даже не захлопнись дромос, столица местной Аргуэрлайлской ССР переехала бы в Сарнагар или Шори-Сай.

А Октябрьск так и остался бы всего лишь стражем врат из мира в мир.

Так же, как когда-то он был построен, чтобы быть стражем караванного пути, идущего вдоль великого хребта, для его охраны и сбора пошлины. А может быть, как место расквартирования гарнизона сгинувшего уже государства – одного из тех, что возникали у подножия Небесной Стены, да пропадали, смытые кочевыми нашествиями и междоусобицами.

А потом то ли рухнула метрополия, то ли сместились караванные тропы, и люди ушли отсюда. Возможно, они еще возвращались сюда не раз и не два: когда еще при ОГВ рылись котлованы и расчищались колодцы, то находили изъеденные патиной бронзовые статуэтки то ли богов, то ли чертей, и древние черепки с незнакомым никому из аборигенов орнаментом.

Но затем уходили все равно...

А вот *им* уходить некуда.

Макеев сегодня, как и было принято у него, обходил свои «владения».

На очереди у него были нынче механики, торговцы и проверка службы ближних дозоров. Кроме того, следовало лечь пораньше и хорошо отдохнуть – завтра предстояло совещание с десятком старейшин ближних кочевых родов насчет организации очередной осенней охоты на сайгаков и диких джейранов, а значит, будет выпито немало араки и запито не меньшим количеством вина.

Проходя мимо кладбища, Александр остановился. На краю погоста он заметил сторбленную женскую фигурку, возле которой сиротливо жались двое малышей в одинаковых войлочных плащиках с капюшончиками. Даже не приближаясь, знал, что Ирава Чао и ее маленькие дочки-близняшки стоят у могилы отца и мужа.

Там, под белым могильным камнем, лежал Миша Шкуратов, бывший рядовой из его роты, застенчивый веснушчатый парнишка из Хабаровска. Он погиб два месяца назад, разбившись на самодельном планере. На гражданке Михаил успел немного позаниматься дельтапланеризмом и вот решил, что сумеет повторить опыт здесь.

Макеев не сразу разрешил ему эксперименты, но воздушная разведка или, допустим, курьерская почта были бы очень нелишними – опять же и авторитета у аборигенов прибавится: здесь даже маги летать не умели.

И Михаил действительно построил дельтаплан, используя старый тормозной парашют и алюминиевые трубки, а затем и планер из промасленного шелка и реек, стянутых стальной проволокой. На нем он и разбился, когда уже на посадке налетевший с гор дождевой шквал швырнул его этажерку наземь с тридцатиметровой высоты.

Майор так и не решился подойти к вдове. И некстати вспомнил, что, конечно, пожалел тогда о гибели одного из своих, но к скорби прибавилась и досада, ибо теперь продолжить работу над полетами было некому.

Он ускорил шаги и через пять минут кривыми улочками вышел к воротам Артмастерских.

У входа невольно остановился, заметив, что на карауле стоял не боец силы самообороны, а кто-то из амазонок Дарики, причем не с луком и даже не с ППШ, а с АКМ через плечо.

– Хайс, шархир! («Здрав будь, князь!») – поприветствовала она Макеева, приложив кулак к груди.

– Тарк на, йосди! («И ты тоже, волчица!») – ответил майор, краем глаза отметив пренебрежительное раздражение на лице тенью следовавшего за ним Гриши Сурова.

Это он зря. Не для того Александр в свое время решительно (гауптвахтой и штрафными работами по очистке сортиров) пресек появившуюся было тенденцию – называть в разговорах между собой местных жителей «урюками» и «чуреками».

А навстречу уже спешил, кланяясь на ходу, Эгорию Самтар, ставший в последнее время почти официальным заместителем Бровченко.

– Эй, бездельники!! – проревел кузнец. – Как владыку встречаете?!

Самтар что-то хрипло выкрикнул в полутьму, и оттуда выскочил подмастерье, неся на медном чеканном подносе большую фаянсовую кружку, исходившую ядреным кофейным духом. Само собой, кофе был не настоящим – смесь из толченых желудей и жареного ячменя с цикорием.

Кивнув, Макеев отхлебнул пару добрых обжигающих глотков – пройдоха кузнец знал, чем угодить, ведая о любви сардара к этому напитку.

– Ну, спасибо, а теперь показывай свое хозяйство.

– А что будешь смотреть, светлейший? Большая мастерская закрыта – сейчас ваши отдыхают, в кузнице пятеро работают...

– Все показывай, я у вас уже месяц не был.

И они двинулись в глубину Артмастерских, в лязг и грохот, мимо ворот кузницы, где здоровенные молотобойцы в кожаных фартуках лупили по извлеченной из печи заготовке меча.

Тут же на пороге лежала охапка клинков, приготовленных для последнего каравана. Немало, если вспомнить, что за каждый платят цену двух верблюдов.

– Железа-то хватает? – осведомился Макеев у Эгорию.

– Почему не хватает, хватает, милостивый, – ответил тот. – Будет нужда – еще руды накопаям, жила большая. А кончится – новую найдем. Да и запасы у нас вот какие!

Указал на низкий приземистый каменный амбар, куда старательно стаскивали весь «земной» металл – от стреляных гильз до брони и пришедших в негодность запчастей.

– Вот завтра новую партию привезут. Правда, Гурди-Ко говорил, что деревья вокруг шахты на уголь скоро все пережгут...

Макеев мысленно сделал отметку в памяти – нужно будет потрясти академиков.

Ибо как выяснилось, никто в бывшем отдельном дивизионе не знал, как превращать каменный уголь в кокс, включая и Колю Гурденко, потомственного донецкого сталевара. Знали лишь, что надо его как-то по-особому подогреть в герметично закрытом сосуде, но опыты закончились лишь получением некой рассыпающейся черной пакости и большого количества вонючего (и горючего) газа – однажды лаборатория чудом не взлетела на воздух.

Заглянул Александр и в машинный зал, где возле пылящего и воняющего горелым маслом движка возился чумазный полуголый бородач – его бывший мехвод сержант Юртанов.

– Смотри, сардар, все работает, как я и обещал! – облизнул губы Эгорию. – Я еще раньше знал – чугуны вещь полезная.

– Ты уверен, что механизм не рассыплется? Все же сила немалая!

– Не должен, сам тоан Брофдже-Ко расчет сделал. Говорит, будет работать еще лет сто! Но зачем нам сто лет, и девяноста хватит!

Вначале и мастерские с молотом и кузницей, и мельница с аварийной электростанцией работали от автодизеля, через снятую с одного из Т-62 передачу, кое-как восстановленную. Для тяжелой машины она уже не годилась, но кузницу и мельницу с крупорушкой кое-как обслуживала. Дизель, кстати, сняли с найденного в степи брошенного КраЗа, угодившего во время ночной поездки в балку и в нескольких местах сломавшего раму – причем никто из солдат или командиров не мог вспомнить, кто и когда умудрился эту машину потерять. Но три месяца назад передача полетела окончательно, и пришлось изобретать самим. Вначале Бровченко лишь крикнул и сказал, что выковать и нарезать шестерни должного качества не сможет даже сам. На что мастер ответил, что он и не станет их ковать, а отольет из чугуна.

И ведь отлил, не соврал. Кстати, о литье...

– А как главный заказ? – осведомился майор.

– О, – мечтательно вздохнул Самтар, – взгляни сам, повелитель...

Они вошли в стоящую на отшибе глинобитную постройку, кузнец повернул какой-то рычаг («Вот, – подумал землянин, – освоился с электричеством»), и подвешенная к потолку автомобильная фара осветила чуть мерцающим светом тесноватое помещение, где на грубых козлах из толстых деревяшек стояло нечто напоминающее на первый взгляд глыбу из серого чугуна. И лишь человек, знакомый с техникой, да и то не сразу, определил бы, что это такое.

– Она что, уже готова? – зачем-то спросил майор.

– Да, – любуясь на дело рук своих, торжествуя молвил Эгорио. – И я ее сделал сам – никто такого не сделал во всем мире, ни один кузнец, а я сделал! Осталось присоединить котел, и можно запускать.

Александр подошел поближе, зачем-то потрогал холодный ноздреватый чугун.

Покосился на чуть не лопающегося от гордости мастера.

Положим, сделал тот это чудо техники не сам, а с помощью Бровченко и по его эскизам. Но действительно сделал.

Собственно, паровая машина была им сейчас не очень нужна, но Макеев, верный старому принципу дедов-прадедов – сибирских охотников: идешь на день, запасайся на неделю, – и тут решил сработать на перспективу. Как и с выплавкой железа, так и со многим другим. Ему хотелось узнать, смогут ли они создавать сколько-нибудь сложную технику сами, без применения земных запчастей и даже станков.

И вот всего за три месяца была сооружена эта машина.

Отлить блок цилиндров труда не составило, даже ухитрились сделать его целиком, с перепускными патрубками.

На поршне дело застопорилось, ибо нужной точности отливки с этим чугуном и мастерами не получались, а на имеющихся станках обработать болванку весом в две сотни килограммов было невозможно. Но тут Эгорио внезапно предложил: «А зачем мы будем мучиться, давайте отольем поршень прямо в цилиндре».

Правда, пришлось ждать следующей плавки, но все получилось как нельзя лучше – мастер даже додумался заодно и приделать шток шатуна, воткнув его прямо в цилиндр и загнув на наковальне конец для лучшей прочности.

Чтобы поршни не оказались припаянными к цилиндру, хитрый абориген придумал обложить стенки тонкими листками слюды. Слюда само собой сгорела, но дело свое сделала.

Заминка единственно вышла с золотником и перепускными клапанами – упрямец Самтар так вошел во вкус, что захотел сделать их без применения токарных станков (к которым он, надо сказать, испытывал глубочайшее почтение). И добился-таки своего, изведя то ли пять, то ли шесть комплектов заготовок, собственноручно отлитых из лучшей бронзы.

Тут же на дубовых брусках стояла здоровенная бочка из красной меди – котел, собранный Эгорио на заклепках и сваренный расплавленной латуной – тоже придумка хитрого аборигена. Да, воистину, как запомнил Александр со школы: «Умудряет Бог слепца, а черт – кузнеца»!

– Ну ладно, молодец, Эгорио, хвалю. Если чего надо, проси...

В ответ Самтар молча поклонился. Ему нечего было просить у градоначальника – у него и так было все, что мог бы пожелать.

Он был оружейником при Западном воинском корпусе императора Сарнагарасахала возле реки Уриргай. Вернее сказать, был насильно забран в войско по жребию за три года до того, как пришельцы сокрушили государство потомков Идущего по Звездам.

Атак был Эгорио потомственным кузнецом (как и отец его, и дед, и прадед, и вообще – все пятнадцать колен предков, живших возле Бурой Горы и добывавших для императора железо), то и на новом месте, хоть и погрузив, трудился честно, ибо иначе просто не умел.

Он даже был пожалован правом жениться до истечения урочных для императорского военного ремесленника семи лет – за то, что научился лить из чугуна детали механизма арбалетов и катапульт, которые прежде делали из дорогой бронзы. (А его начальник был даже вознагражден за сметку своего подчиненного домом и двумя кровными конями.)

После падения столицы Западный корпус просто разбежался кто куда, прихватив все, что плохо лежало, потому как командиры были в массе разосланы собирать ополченцев, а командующий при невероятном известии покончил с собой на алтаре Шеонакаллу. И через пару недель, как раз когда к ним явился мотопатруль пришельцев, в разграбленном лагере осталось всего несколько сот человек. Тащиться по рухнувшей стране домой было не с руки, и Самтар обосновался в ближайшем городке, благо без кузнеца никак не обойтись – и коня подковать, и круторогим быкам во время молотбы копыта шипами подбивать – этому же ремеслу цены нет! А в его роду хотя и восхваляли Черное Солнце, но по-настоящему чтили лишь Тал бая – бога кузнецов, первым научившего людей выплавлять железо. А когда ворота за грань захлопнулись, он присоединился к уходящим в Тхан-Такх остаткам войска пришельцев.

Потому что чужинцы ему весьма нравились. По их закону, как выяснилось, кузнеца, как и прочего работающего человека, обижать не полагалось. По крайней мере, на его памяти никто из них ни разу ни одного кузнеца не обидел!

Жизнь в этом княжестве для хорошего мастера не хуже, чем в лучших городах сгинувшего Сарнагарасахала – не роскошная, но сытная, а главное – мирная. А в родных краях-то его сейчас творится невесть что...

Но, пожалуй, главное – он ведь теперь может работать с удивительными механизмами и машинами, которые могут двигаться сами! И что занятно – если вникнуть в дело, то хитрости в их починке и работе с ними никакой особой и нет. Была бы голова на месте да руки откуда надо росли! А какая у них сталь – такой никакая магия не сварит! Правда, и они пока не могут ее здесь делать – по их словам, нужны особые печки и еще всякие руды и камешки, которые надо добавлять в расплав. Однако, верил Самтар, они рано или поздно смогут это сделать. Построили же чудесный горн, за один раз выдающий железа больше, чем в их поселке выплавляли чуть ли не за месяц!

Макеев еще посмотрел на отлитые из чугуна жернова для новой водяной мельницы, которую собирались строить в селении Арви, что в двадцати километрах от города, и новую конную жатку, наконец изготовленную механиками, и распрощался с Самтаром.

На очереди у него были визиты к купцам и в госпиталь.

Неожиданно для себя решил заглянуть в трактир.

Трактиров с харчевнями в его городе (на взгляд майора) было вообще-то неприлично много – ровно тринадцать, не учитывая трех постоянных дворов.

Если считать со всем населением, включая Махаловку, выходило примерно по одному значному месту на триста пятьдесят человек, включая женщин, по традиции эти заведения не посещающих, и детей.

В них, как водится, к услугам желающих были и танцовщицы – веселые и нестрогие девушки, и вино, крепленное самогоном, и нехитрая закуска – от вяленой сурчатины с сусликами, до сайгачьей вырезки.

Но, само собой, «повелитель Сантор» шел туда не ради сомнительных развлечений или дрянного вина. Просто... Горожане до кабацких завсегдатаев включительно должны знать, что градоначальник знает все и бывает везде. А потом месяц, а то и полгода хозяин заведения будет всем рассказывать, что сам сардар удостоил его посещением.

Толкнул дверь, постоял на входе, чтобы глаза привыкли к полумраку, обежал помещение взглядом и удивился – посетителей в заведении было всего шестеро или семеро, но трое из них были ему знакомы – старший лейтенант Шмаков, тридцатилетний командир взвода быстрого реагирования сил самообороны, и двое его подчиненных.

Троица встала, приветствуя командира, хотя как показалось Макееву, старлей приподнялся со своего места чуть позже остальных и без должного рвения. Но это ведь могло и показаться...

– Отдыхайте, ребята, – махнул рукой.

– Да мы уже уходить собрались... – пожал плечами Шмаков.

По выражению лиц его компаньонов Александр понял, что парни как раз намеревались провести тут немало приятных часов. И причина того, что они так спешно ретируются, не укрылась от его взгляда – на затоптанном ковре рядом с командиром взвода лежала глиняная трубка. Ну а сладковатый аромат яснее ясного говорил, что набита она смесью из горькой степной конопли и листьев сагги – кустика самого по себе безвредного, но по какому-то капризу природы в сочетании с любым наркотиком резко усиливающего его дурманные свойства. Эту траву использовали в местной медицине давно... А вот смешать ее с анашой догадались только его подопечные.

Макеев нахмурился. Взвод Шмакова, кажется, представляет все большую проблему. Задним числом ему уже давно стало понятно, что идея собрать столько бывших «афганцев» в одном взводе была не лучшей. Да уж очень соблазнительной выглядела мысль создать пусть маленькую, но воинскую часть из людей с настоящим боевым опытом. Но вот ее реализация...

Вначале как-то само собой оказалось, что там собрались самые отпетые... Потом незаметно вышло, что поселились они в одном месте, выбрав самый дальний конец Октябрьска. Что еще любопытно – семьи мало кто завел, так что даже пошли разговоры, будто прежний их командир – капитан Файзуллин, подбирал их не только по афганскому опыту, но и... хм, по половой ориентации.

Но это чушь, само собой, потому что именно люди Файзуллина были самыми частыми гостями у кабацких девочек. Но вот то, что там было не все ладно – факт.

Пожалуй, размышлял градоначальник, он все же сделал ошибку, после той дурацкой гибели Файзуллина не рассассировав взвод оперативного реагирования по оставшимся подразделениям сил самообороны. Во всяком случае, не назначив им нормального офицера. С другой стороны, уничтожать едва ли не лучшую штатную единицу из-за каких-то смутных подозрений и слухов? Да и прав был Лыков, рекомендовавший Шмакова. Эти люди не приняли бы чужака. А плодить конфликты на пустом месте внутри маленькой общины гарнизона...

Пусть уж живут, как знают. Не устроят же они бунт, в самом деле.

«Но все же некий неприятный душок от этого афганского кубла тянет», – размышлял Макеев, уже оставив далеко позади корчму.

Он вспомнил, как накануне своей командировки в Аргуэрлайл ехал в одном купе поезда Душанбе – Ленинград с майором из Минобороны, специалистом по военной психологии. Тот как раз направлялся в столицу с докладом о ситуации с личным составом в ограниченном контингенте и кое-чем поделился с попутчиком.

Выходило по его словам что-то невеселое.

Современный молодой человек вырос, как ни крути, в тихом благополучном мире, где худшая неприятность – разнос у директора или отсутствие повышения в должности; опять же – по большей части единственные сыновья у матерей. И сунуть такого вот вчерашнего школьника в самое пекло настоящей войны, со всеми ее прелестями – до этой самой анаши включительно, это с высокой вероятностью получить на выходе человека с большими проблемами в психике, да еще приобретшего неприятную привычку к убийствам.

Да и сам Александр уже начал приходить к подобным выводам.

Насмотрелся на всякие безобразия – от скандалов из-за немногочисленных женщин – служащих Советской армии с драками и чуть не дуэлями, и питья вроде как почтенными отцами-командирами, седыми полковниками жидкости из тормозной системы КамАЗов, и заканчивая особо зверской дедовщиной. А уж если заводится дедовщина в воюющих частях, то не зверской она быть не может. Он-то подобного у себя в роте не допускал, хотя приходилось воспитывать особенно обнаглевших кулаками, а у соседей бывало, что обиженный солдат расстреливал своих сослуживцев, по несколько человек сразу, а родителям убитых сообщали: «Ваш сын героически погиб, выполняя свой интернациональный долг».

Интересно, как там земляки в их бывшем мире, справляются ли они с ситуацией? А может, уже закончили все дела «за речкой».

Но вот в гарнизоне результат налицо – у них под носом завелось этакое специфическое «темное братство».

Геннадий Тупиков оправил белый застиранный халат. Швы угрожающе затрещали, и лейб-медик Октябрьска, как его иногда называли «господа офицеры», подумал, что, пожалуй, придется-таки скоро заказывать новый, уже у городского портного, из здешнего грубого полотна.

В этот час он был в горсанчасти почитай что один. Двое его помощников, Вася Ромов и Зиновий Сумской, отпросились на пару дней отдохнуть, а третий, Саня Ермолаев, срочно укатил на горные пастбища, где начался падеж скота – по первой специальности он был ветеринар.

Во всем помещении оставалось только полдюжины больных и два медбрата – оба местные уроженцы из числа караванщиков, заболевших в дороге и, как тут водится, оставленных своими караван-баши на произвол судьбы. Исцелившись, они так и остались при больнице. И хотя так толком язык пришельцев и не выучили, но компенсировали свою воистину средневековую темноту редкостным трудолюбием и почти мистическим преклонением перед главврачом. То есть им, Тупиковым Гэ Рэ, который, видимо, казался им чем-то вроде жреца или мага.

Ну а раз вроде нет серьезных больных, новых пациентов тоже не ожидается, то можно вернуться к работе, порученной шефом (так Тупиков звал Макеева – не князем же, в самом деле, титуловать майора), – написанию учебника по медицине.

Гена разложил перед собой аккуратно нарезанные листы газетной бумаги, макнул перо в чернильницу, привычно пожалев об оставшихся в ином мире шариковых ручках, как вдруг услышал за спиной грубоватый смешок.

Признаться, первой, пришедшей в голову, была мысль о ПМ, давно валявшемся без толку в ящике стола.

– Ну, старшина, как, принимать страждущих больных будем?

Тупиков мысленно выругался.

Манера командира взвода быстрого реагирования являться в гости бесшумно и наслаждаться эффектом бесила не только его одного.

– Заходите, Виктор Петрович, присаживайтесь, – тем не менее вежливо предложил Тупиков, внутренне подавляя позыв вытянуться перед старшим лейтенантом по стойке «смирно». – На что жалуемся?

– На Аргуэрлайл, – коротко бросил Шмаков.

– Ну, это, увы, неизлечимо, – ответил бывший старшина шуткой на шутку пациента.

– Да понятное дело... – криво ухмыльнулся взводный. – Но от простых-то болезней медицина наша чем-то может помочь?

«Неужто венерологию поймал наш герой?» – с неожиданным злорадством подумал главврач.

– Голова что-то стала кружиться и болеть, приступы временами – как в тиски башку зажали! И в ушах не то чтобы звенит, а как будто... шепчется кто-то. Знаешь, как... ну, не знаю, вот мыши летучие так пищат, слышал когда-нибудь? Еле-еле слышно, а как будто... И еще – чувство временами такое нехорошее, будто смотрит на тебя кто. Нехорошо так смотрит. Помню, так в Афгане бывало, когда «духи» тебя выцеливают из «зеленки»... Может, думаю, контузия разыгралась... А? Что посоветуешь, лепила?

– Что посоветую? – Гена сжал губы. – Посоветую, Виктор Петрович. Просто надо бросить курить ту дрянь, которой вы дымите как паровоз.

– Так и знал... – фыркнул старлей. – Дрянь у тебя в голове, а я анаши этой мешок уходил еще когда парился под Гератом – и ни в одном глазу. А анаша та была со здешней не сравнить – термоядерная! И вообще, ты, салага, этого не поймешь, потому что настоящей войны не нюхал. А я вот был в таких делах, что без травки бы точно свихнулся! Знаешь, как после боя трясет и корежит? Так что «мотор» твой вот-вот сдохнет. А затянулся пару раз – и отпустило.

Тупиков в ответ лишь молча развел руками, показывая всем видом, что, дескать, мое дело предупредить...

– Ладно, пан доктор, – вздохнул офицер, – видать, и в самом деле медицина наша только банки ставить умеет. Эх, не догадались наши начальники хоть одного нормального военврача в дивизион запихнуть, да кто ж знал...

– Раз вам медицина наша не нравится, то сходите к шаманам или в храм Грайни, – почему-то потупившись, ответил Гена. – Может, они чего посоветуют.

– Ага, посоветуют, – фыркнул спецназовец. – Шаманы завывать начнут да чертей своих гонять. А грайнитки эти зеленые посмотрят, как Ленин на буржуазию, да и скажут так, губки кривя: ты, дескать, много людей убил, а детей ни одного не сделал – оттого Хозяйка Жизни на тебя и сердится. И вообще, на тебе печать какая-то стоит... Детей, ха! Я, что ли, виноват, что ни одну здешнюю шлюшку не обрюхатил?

– Подательница, – механически поправил медик.

– Чего? – наклонился к нему Шмаков.

– Подательницей Жизни ковен Грайни зовет свою небесную покровительницу.

– Да по мне хоть подательницей, хоть продавщицей, хоть кладовщицей, – махнул рукой Шмаков. – Дел мне только все это запоминать...

– А что за печать-то? – переспросил вдруг Тупиков, потому как смутно припомнил что-то такое, связанное с печатью, что мелькало в разговорах грайниток.

– Я-то откуда знаю? – раздраженно передернул старлей плечами. – Ладно, медицина, уж если посоветовать толкового все равно не сможешь, так, может, хоть лекарства дашь?

– Это какого? – встревожился Гена, ибо лекарства были его настоящей головной болью – куда там выдуманной шмаковской.

– Какого-какого? Будто сам не знаешь? Того, которое вы, доктора, глушите почем зря, – осклабился гость. Ну, в соответствии с эмблемой. – Он довольно невежливо ткнул пальцем в ворот песчанки с латунными значками мед службы. – Знаешь, как ее называют? Змея в стакане, ха! Короче, спиртяшки не плеснешь?

И каким-то непонятным чутьем старший лейтенант выразительно посмотрел в сторону тяжелого резного шкафа, где бывший санинструктор как раз недавно поставил большую двух-литровую бутылку настоящего девяностоградусного спирта – тройной перегонки, дважды профильтрованного через толченый древесный уголь и вымороженного в больничном леднике. И не далее как завтра с утра он собирался приступить к приготовлению на этом спирте настоя специально подобранных им степных лечебных трав. Так что покушение на его сокровище вызвало неподдельное возмущение медика.

– Вам, Виктор Петрович, пить нельзя, – как можно тверже выговорил Тупиков, стараясь смотреть прямо в глаза.

– Так и знал... – сказал спецназовец, поднимаясь. – Ну и медицина у нас, прямо как в том анекдоте. «Гиви, почему ты нэ пьешь?» – «А мне доктор запрэтил...» – «Вах, ну дай йему сто рублэй, он тэбе разрэшит!» Ну бывай, клистирный командир. – И внушительно хлопнув Тупикова по плечу (оно враз заныло), он покинул кабинет октябрьского главврача.

Спустившись с каменного крыльца, Шмаков зло сплюнул.

Да чего тут ходить вокруг да около! Чертов салага ведь ни в чем не виноват. Это ему, матерому бойцу, стыдно прятать голову в песок.

Не в контузии и даже не в плане дело. И самое лучшее пойло тут не поможет!

Потому что печать на нем и в самом деле стоит – поставленная кем-то или им самим, его буйной и жестокой жизнью – неважно уже...

Перед внутренним взором старшего прапорщика как в живую встал тот вечер...

Тогда, полгода назад, их взвод стал лагерем неподалеку от селения, название которого он уже запамятовал – у него была вообще дрянная память на эти идиотские здешние имена и названия.

Макеев тогда после спора на совещании решил поставить возмнившего о себе много летеху на место и выгнал на внеочередные учения. Спор, кстати, был из-за этих чертовых баб-амазонок, которым все же решили выдать земное оружие.

Изо всех лишь Шмаков высказался против, да еще имел неосторожность что-то ляпнуть про «обезьяну с гранатой» и дикарей.

Особенно взвился Серегин, муж этой... ладно, проехали.

Как водится, их высадили с трех грузовиков, бросив на пять дней в серой скучной лесостепи. Шмаков честно погонял своих гавриков вокруг холма и по пересеченной местности, лично выбрал три места для засад, в одном из них заняли оборону и условно победили прорвавшуюся конную тысячу. Застрелили попавшуюся на дороге самку тростникового кабана, разнобразив меню в виде похлебки из вяленого мяса нормальной свежатиной, и улеглись спать, не забыв выставить дозоры.

А следующим утром, пока Виктор совершал личную пробежку, наматывая не стандартный километр, как его подчиненные, а три, он и встретил... того человека. Он взял и просто вышел из-за куста горького ореха на лесную тропинку, подняв руку, – как тут приглашали к разговору.

Обычный ничем не примечательный тип – одетый наполовину как степняк, наполовину как оседлый дикарь – так тут часто ходят. То ли небогатый торговец, то ли приказчик, то ли мастер. Оружия при нем не было – даже ножа на поясе, что было необычно для туземцев – те, если имели возможность, всегда таскали что-то смертоубийственное. Даже мальчишки в селениях носили с собой заостренные палки с обожженным на костре для прочности концом.

Виктор на автомате, что называется, вытащил из-за пояса «гюрзу». Незнакомец только улыбнулся в ответ. И почему-то землянин сразу понял, что означает эта улыбка – пока он тут бегал по лесу, его при желании можно было прикончить стрелой из превосходного степного лука, имеющего перед АКМ то преимущество, что выстрела не слышно.

– Здравствуй, человек из Тхан-Такх, – сказал незнакомец, и Виктор невольно попятился.

Потому как сказано было, пусть и коряво, и с диким акцентом, но по-русски.

– Я – Зорт, ученик слуги великого повелителя Ундораргира, старшего буандигис-шамана Ортас Хака, сына Сайнорги, сына Роррида, наследник знания истинного и древнего. В храме Подземного Хана меня зовут Наездник Черного Коня – если переводить на ваши чины, это... ну пусть будет к'хапитан.

– Ну а я старший лейтенант, – хмыкнул Шмаков, пытаясь собраться с мыслями.

«Не трус, – подумал гость. – Но глуп».

– Давай без чинов, тоан, – улыбнулся, не выдав тени своих мыслей, Зорт. – Я думаю, нам есть о чем поговорить?

– Я в этих ваших ведьмовских штучках ничего не понимаю, – бросил в ответ Виктор. – Мое дело – война. И то надо мной есть мой начальник. С ним и говори.

– Только лишь война? Или ты никогда не думал, что достоин большего? Слушай, друг, может, сядем и поговорим? Пока твои воины начнут беспокоиться, у нас ведь есть время?..

* * *

Эуденоскаррианд. Танира – третья столица империи

– Итак, история ковена имперских ведьм началась с великой ведьмы Рао, – произнес собеседник Костюка, важно огладив усы. – Историю эту следует начать со времен правления императрицы Кхэмоа Уно...

Почтенный Притос Сенно поднес к губам сосуд.

– Что за чудесное вино, мой драгоценный друг! Попробуйте, такого наверняка нет в ваших диких, прошу меня покорнейше простить, краях, где из средств увеселения духа имеются лишь грязные варварки да бурда из кобыльего молока.

Заговорщицки подмигнул собеседнику.

– Это «Поцелуй пери» – его положено выдержать несколько лет в сосуде из дерева хотер, запечатанном воском. Именно воском, а не деревянной пробкой или глиной, как делают эти невежды из Тазалайской долины! Только так оно дает настоящий вкус! Чувствуете, очаровательное сочетание терпкости, кислоты и легкой сладости! Чувствуете? Оно совсем не похоже на вино из Оус, хотя вроде бы куда уж лучше оусского. И совсем не талино, потому что талино – вино пурпурное, почти черное, а тут розовое. Это, конечно, не вино с императорских виноградунов, но так ведь и цена другая – одна амфора того вина стоит как хороший ездовой конь... И, кстати говоря, это вино надо пить из стеклянной чаши – именно так, как пьем мы. Именно в стекле оно дает настоящий благородный цвет!

Костюк усмехнулся про себя. Стеклянная чаша и в империи считается изрядной роскошью, а уж в Степи стоит как раз в цену хорошего коня.

– Так вот, о ведьмах... Императрица Уно взошла на трон в семьсот шестьдесят шестом году правления Великого Дома, то есть девяносто лет назад, – неспешно продолжил Притос. Она уже тогда была весьма немолода, и как говорили, почтенный возраст государыни уже начал мешать ей править. Несколько влиятельных родов, объединившись, решили уговорить ее оставить трон, передав его принцу Милио из младшей ветви Великого Дома...

Собеседник вновь прервался, вкушая дорогое розовое вино из драгоценной стеклянной чаши, «в которой только и дает оно настоящий цвет», между прочим, вино купленное на его, Костюка, вернее, скромного иноземного торговца Синти Роча, серебро.

Алексей не возмущался и не торопил собеседника, чье многословие его почти не раздражало. В обычаях Эуденоскаррианда была именно такая манера разговора – долгая, обстоятельная, с намеками, отступлениями и подробным описанием всяких мелочей.

Что ж до истории императрицы Уно, то разведчик ее уже и без того неплохо знал. Многие из тех, с кем ему довелось пообщаться в Танире, еще помнили рассказы своих дедов о жуткой старухе с перекошенным после паралича и по обычаям высших жриц культа богини Р'гины раскрашенным и разрисованным лицом, которая медленно проезжала по широким улицам Нурой в огромной повозке, запряженной слоном.

Правила она не столь и дурно. При Уно не было больших войн, и империя жила в целом благополучно. Но вот в столице ее поминали совсем по-другому, ибо не проходило недели, чтобы какого-нибудь чиновника или даже члена правящего Дома не казнили каким-то особо

жестоким способом, а уж простолюдинов, вздернутых за обсуждения походов ее величества или даже неосторожное слово в ее адрес, и не считали.

К концу ее правления в семействе почти не осталось взрослых мужчин, кроме нынешнего императора, племянника грозной Уно. Впрочем, к этому времени он из могучего бодрого воина, прославившегося когда-то подвигами на северной границе, превратился в жалкую человеческую развалину, шарахавшуюся от каждого прибывавшего к нему курьера с мыслью, что тетушка, наконец, решила разделаться и с ним.

Императрица, как гласили слухи, до самой смерти не утратила аппетита к мужчинам, развлекаясь в постели с двумя или тремя любовниками одновременно. Не угодивших ей любовников или, не дай Вечное Небо, выказавших хоть тень брезгливости к дряхлой прелестнице, ждала ужасная участь – их скармливали хищникам из дворцового зверинца, а перед самой своей смертью государыня даже якобы завела для этого дела семейку дикарей-людоедов из каких-то заморских стран.

– Императрица, – вещал Сенно, – окончательно потеряла всякий стыд, приближая к себе самых недостойных людей. По мере того как старело ее тело, она все силы направила на то, чтобы сохранить ускользающую жизнь. Канцлером при ней стал маг Гоу Форо, бывший секретарь палаты надзора за чародейством, преуспевший в некромантии. Самым влиятельным человеком сделался целитель Кэмао Луин, позор сословия магов-целителей, известный лекарь, ставивший противоестественные опыты в поисках эликсира жизни. Наконец, Торко Ранд министр императорских развлечений, бывший сводник из сомнительного квартала...

«Сколько имен, сколько имен, – неодобрительно пожал плечами Алексей. – И как эти бедолаги их все запоминают?»

Речь собеседника текла плавно, многословно, и вскоре Костюк поневоле запутался в творившихся при дворе кошмарах и разнузданном разврате.

Он не без труда вернулся к повествованию, когда речь пошла уже о той самой Палате Чародеек. Перед этим Притос потратил минут пятнадцать, рассказывая, как мимолетный муж Удо, ее троюродный дядя Букур Сайонос, скончался от разлития желчи, хотя в городе открыто говорили, что на нем испытали свое искусство наведения смертечар Гоу Форо и Кэмао Луин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.